

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

ТРЕЗУБЕЦ
НЕПТУНА

Александр Дмитриевич Прозоров
Трезубец Нептуна
Серия «Черный археолог», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125405
Прозоров А. Трезубец Нептуна: АСТ; Москва; 2002
ISBN 5-17-016060-7*

Аннотация

...Пятый Конд. Жалкая заштатная планетка на Медузей дороге в созвездии Весов.

Но... странные слухи ходят про Пятый Конд. Слухи о зарытом там древнем кладе немыслимой ценности. О кладе, таинственным образом защищенном от авантюристов-кладоискателей.

Вранье? Но тогда – ПОЧЕМУ так часто гибнут близ Пятого Конда космические корабли?

Содержание

Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	47
Глава третья	86
Глава четвертая	109
Глава пятая	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Александр Прозоров

Трезубец Нептуна

Маминой памяти посвящаю

Пролог

Серый, холодный, пыльный, испещренный кратерами и присыпанный камнями валун медленно плыл в вакууме, лениво кружась вокруг ничем не примечательной желтой звезды. Был он неотличим от бесконечного множества точно таких же валунов, всевозможных форм и размеров, болтающихся в безмолвном космосе. Правда, для этого астероида космос безмолвным не казался. Пространство доносило до него потрескивание электромагнитных разрядов, густой гул гравитационных волн, запах внепространственных излучений, и нежный, сладкий вкус света.

Аппетитный свет звезды, казавшейся на таком расстоянии не больше блюда, валун впитывал всей своей поверхностью, блаженно подставляя под лучи то один, то другой бок, но ни на миг не ослабляя внимания.

Время от времени вблизи появлялись другие обитатели вселенной – газовые, металлические, ледяные, каменные; большие и маленькие, горячие и холодные. Каждого из «го-

стей» валун тщательно обслушивал, обнюхивал, осматривал и отпускал с миром. Время от времени оказывалось, что орбита «гостя» пересекается с орбитой астероида. Тогда сквозь один из множества камней, беспорядочно валяющихся на поверхности, прорывался узкий поток жесткого излучения, отмеренный точно и экономно, ровно настолько, сколько нужно, чтобы столкнуть нежелательного пришельца с его курса. Валун тщательно оберегал свою аккуратно изрытую и обезображенную поверхность.

Он ждал.

В недрах валуна имелись часы, способные отсчитывать и наносекунды и тысячелетия, но он все равно не знал, что такое время; возможно он летал годы, а может сотни или тысячи лет. Возможно – миллионы. Это не имело ни смысла, ни значения. Он впитывал лучи света, усваивал, переваривал, накапливал. Он берег себя. Он вслушивался в пространство.

И ждал.

Вначале донесся запах из подпространства – вот-вот должен был появиться «гость». Валун затаился, прекратив все процессы, без которых можно обойтись хотя бы короткое время. Тяжело загудели гравитационные поля, сминаемые быстрым, но небольшим объектом, чуткие локаторы настрожились, и поймали легкий треск. Тихий треск электромагнитных волн, шуршание тока в проводках, простуженное дыхание двигателя.

Валун не испытал никакой радости. Он не знал, что такое

эмоции. Просто короткие хлесткие электрические разряды ударили по пластиковым тягам, те сократились, и выбросили из четырех шахт четыре темные сигары. И все. Сигары безмолвно разлетались в разные стороны, не подавая никаких признаков жизни. Зачем выдавать, откуда они взялись? Нет, наоборот: валун отключил все системы дальнего обнаружения, все схемы, способные излучить хоть какую-то энергию, и даже слушал только электромагнитный диапазон. И снова ждал. Но с этого мгновения время обрело для него смысл. Время пошло.

Медленно разлетающиеся в стороны сигары были не черными, как казалось, пока они прятались в недрах арсеналов. Не черными, не угольными, и, пожалуй, даже не темными. Они были никакими: их покрытие поглощало все виды излучений. Хотя они и не могли скрыть своей массы, все остальное сигары старались спрятать изо всех сил. Каждая знала свою задачу и принималась к гравитационному следу.

Прошло сорок секунд.

Двести километров безмолвного полета остались позади, и в четырех случайно выбранных точках одновременно включились ионные двигатели. Сигары оперлись на иглы уносящейся в бесконечность плазмы и рванулись вперед.

– Капитан, ответьте центральному посту!

– Капитан Торсон слушает, – седой, гладко выбритый, поджарый мужчина, сидящий за пультом, оторвался от кни-

ги и повернул голову к центральному монитору.

– Старшина Милош. Капитан, у нас компьютер бредит: видит четыре математические точки массой по полторы тонны. Все четыре идут к нам.

– Что значит – математические точки?

– Масса есть, а объема нет.

– Бред, – Торсон поколебался секунду, а затем приказал: – Дайте напряжение на локаторы.

– Есть, напряжение на локаторы. – Селектор немного пошуршал. – Все равно бред – четыре конуса пренебрежительно малой плотности.

Капитан патрульного крейсера «Гремящий» Генри Торсон отлично знал, что в этом районе никакой опасности для корабля быть не может, но он весьма не любил ничего странного и непонятного. Поэтому капитан закрыл детектив, одернул форменную куртку, перекинул клавишу селектора в положение общекорабельной трансляции и тихо, мрачно скомандовал:

– Экипажу занять места по боевому расписанию, – и тут же поморщился от рева включенной компьютером сирены.

На экране стала быстро оживать светло-серая схема крейсера:

«3 пост к бою готов»

«12 пост к бою готов»

«7 пост к бою готов»

«1 пост к бою готов»

В рубку влетел первый помощник Таури Берг и рухнул в свое кресло, на ходу надевая наушник. Кресло жалобно скрипнуло. Берг щелкнул двумя клавишами, пуская тест готовности и громким шепотом спросил:

– Генри, что случилось? – капитан промолчал. – Что, учебная тревога?

«2 пост к бою готов»

«11 пост к бою готов»

«4 пост к бою готов»

– Все на местах, – не без удивления констатировал первый помощник, – отличное время, капитан.

«Корабль к бою готов» – зажглось на экране.

Разгоняющиеся до последнего мгновения сигары ударились в крейсер, и в полном согласии с законом сохранения энергии их кинетическая энергия перешла в тепловую. Золотые кольца, насаженные на носовую часть сигар, в течение доли секунды потеряли сверхпроводимость, и весь заряд, накопленный в них, выплеснулся мощным взрывом.

«Корабль к бою готов», – зажглось на экране, и в тот же миг «Гремящий» судорожно дернулся под единым ударом четырех взрывов.

Схема погасла, и вновь загорелась, но уже с черными язвами:

– Мостик? Четвертый пост докладывает. Излучатель со-

рван с фундамента, потерь нет.

– Алло, мостик? Моторный отсек, у нас не проходит тест второго маневрового двигателя.

– Пятый пост докладывает: разгерметизация отсека, расчет в костюмах, к бою готовы.

– Что это было?! – Берг лихорадочно стучал по клавишам, но вокруг корабля все казалось спокойно до идиллии.

«Противник уничтожен» – внезапно заявил компьютер.

– Черт! – тихо выругался Торсон. Кого они могли уничтожить, так и не вступив в бой?

– Мостик? Центральный пост докладывает: разошлись бронеовые плиты средней палубы. Разгерметизация двух кладовых и медицинского отсека. По нашим данным там находилось двое больных, дежурная медсестра и врач. На вызовы никто не отвечает.

Капитан молча сжал кулаки.

– Кто это был, Генри? – высказал вслух общие мысли первый помощник. – Кто это сделал?

– Развертку по секторам! – зло прошептал Торсон.

– Первый пост, развертку по секторам! – продублировал команду Берг.

– Сектор девяносто – девяносто – все чисто.

– Сектор сто восемьдесят – девяносто – вижу планетоид, удаление двести сорок три.

– Сектор девяносто – двести семьдесят – все чисто.

– Сектор девяносто – триста шестьдесят – метеорит на

удалении сорок.

– Сектор сто восемьдесят – девяносто – вижу астероид, удаление сорок два.

Операторы по очереди докладывали обстановку, и у всех все было спокойно.

– Ну найдите же мне его, – неслышно просил Торсон, – найдите...

Валун слышал судороги электромагнитного излучения, лихорадочное мельтешение лучей локаторов, но не испытал ни удовольствия, ни злорадства. Неизвестно, кто, когда, зачем поставил космическую мину. Какой народ, какая цивилизация выпустила осторожного убийцу рядом с ничем не примечательной звездой? Кого охранял валун? За кем охотился? Откуда взялась и куда сгинула цивилизация, решившая защитить от пришельцев звезду без планетной системы? Быть может, планета существовала, но сгинула в древней войне? Или просто разобрана на сырье под охраной космической мины? Реликт древних сражений и сам этого не знал. Просто он честно выполнял свою работу:

«Беспорядочные лучи» – «Паника» – «Снижение бдительности» – «Хорошо»

«Активное электромагнитное излучение» – «Цель функционирует» – «Плохо» – «Цель должна быть уничтожена»

Электрические разряды ударили по пластиковым тягам, и четыре сигары выскользнули из четырех шахт.

– Ну найдите же мне эту сволочь, найдите...

– Капитан, центральная, четыре точки массой...

– Целеуказание на излучатели, – перебил Торсон, – огонь по готовности!

– Есть!

На корабле четыре раза мигнул свет, и четыре крохотных звезды расцвели в черноте космоса.

«Противник уничтожен» – сообщил компьютер. Он явно принимал за врага только ракеты. Но ведь их кто-то выпускал?

– Первый пост, – принял решение капитан, – дайте координаты на излучатели: Цель планетоид, удаление двести сорок три астрономические единицы, – он немного выждал и скомандовал: – Залп!

Ни в чем не повинный планетоид окутался густым облаком пыли, и, медленно вращаясь, продолжил свой путь.

Валун засек гибель своих сигар и перешел ко второму типу атаки. Четыре следующие сигары получили индивидуальные планы подхода к цели и по очереди выскользнули в космос.

– Есть попадание! – доложил первый пост, и виновато закончил: – Ничего...

– Внимание, цель – астероид, удаление сорок две астрономические единицы... залп!

Лучи ударили в поверхность валуна – в стороны полетели вывороченные с проводниками фотоэлементы, датчики, локаторы, кабели питания, и по медным нервам валуна прокатилось:

«Обнаружен!»

«Обнаружен!-Обнаружен!-Обнаружен!-Обнаружен!»

И все четыре шахты начали лихорадочно опустошать арсеналы, торопясь выбросить навстречу противнику все, что есть в запасе.

– Есть попадание! – и через секунду на первом посту радостно закричали: – Есть электромагнитное искрение!

– Мы нашли его, капитан! – крикнул Таури.

– Боевой пост, – неожиданно спокойным голосом вызвал Торсон, – цель – астероид, два линейных заряда. Огонь.

По сторонам крейсера выкатилось два шарика, оплетенных ажурной паутиной и исчезли: термоядерные взрывы, зажаты строго выверенными математическими формулами, вытянулись в линии с нулевой энергетической плотностью и, в соответствии с теми же формулами, энергия выделилась возле физического объекта, оказавшегося на линии разряда. Астероид скрылся в облаке разрыва.

– Боевой пост, – повторил капитан, – цель – астероид, два

линейных заряда. Огонь.

Валун содрогнулся от взрыва. По кабельным коробкам, по шахтам трубопроводов, по монтажным люкам газы и пар донесли тепло разрывов до приученного к вакууму энергоблока, но стоило нарушиться жизненно важному равновесию, как системы безопасности распылили гелий, спасая от тепловых колебаний центральное золотое кольцо с накопленной за долгие века энергией. Тепло отступило, сдалось, сверхпроводимость сохранилось. Казалось, все уже в порядке, сложный автономный механизм в безопасности, но тут мир вновь дрогнул, прикатившая волна раскаленной плазмы слизнула гелий со стен, дохнула жаром на золото. И в тот же миг валуна не стало.

Метеорит растекался во мраке ослепительной звездой, но на крейсере никто не имел возможности полюбоваться этим красочным зрелищем.

– Капитан, центральный, двести сорок семь точек!

– Целеуказание на излучатели, огонь по готовности!

Теперь от мостика ничего не зависело. Оставалось только ждать.

Потух свет, тоненько и истошно, на весь корабль, взвыл реактор – излучатели жрали всю его энергию. Вокруг крейсера вспыхнуло облако сплошных разрывов. Корабль трянуло. Еще раз. Еще... Реакторы стихли, вспыхнул свет.

«Противник уничтожен», – компьютер подумал, а потом разразился сообщениями о неисправностях. Тренированный глаз капитана выловил самые важные:

«Выгорел четвертый пост. Потери – пять человек»

«Разгерметизация медицинского поста. Потери – четыре человека».

«Децентровка маршевого двигателя».

«Отказ системы регенерации».

Этого вполне хватало для принятия единственно возможного решения. Торсон повернулся к первому помощнику и, крепя сердце, сказал:

– Дай команду передать сигнал бедствия.

– Что, так плохо? – удивился тот.

– У нас нет ни хода, ни блока очистки воздуха. Девять человек погибло. А для остальных – на семьдесят часов воздуха из корабельного аварийного запаса, плюс сорок восемь часов в аварийной капсуле. Еще часов тридцать можно просидеть в скафандрах. Вот и весь наш кислород. Шесть суток. Максимум семь.

– Ай да влипли... – Берг рассеянно подергал себя за ухо. – Да, не повезло...

– Нет, Таури, нам повезло. – Капитан повернулся к монитору и тяжело закрыл ладонью стекло. – Если б на нашем месте оказался беззащитный транспорт или пассажирский лайнер, было бы намного хуже. Если уж эта хреновина боевой крейсер из строя выбить смогла... Ну что ты стоишь? Иди,

время не ждет.

Глава первая

Земля

«Обязательно посетите эту прекрасную планету, прародину Homo Sapiens¹, Cactaceae² и миллиардеров³, экологически чистый мир, уже шестьсот лет не знающий никакого промышленного производства! Только здесь вы сможете насладиться сервисом самого высшего уровня, только здесь вы сможете увидеть почву, по которой гуляли неандерталец, кроманьонец и Джон Траволта, только здесь вам будут доступны дворцы, в которые тысячи лет запрещалось заглядывать простым смертным, только здесь вы сможете полежать в гробницах, ранее доступных только мумиям и их высшим советникам, только здесь вам удастся увидеть арматуру первого в истории космического порта и взять с собой горсть его праха за умеренную цену.

Сила гравитации – 1, удаление от центрального светила – 1, плотность планеты – 1, атмосферное давление – 1, уровень освещенности – 1, уровень радиации – 1, активность микрофлоры – 1, разброс температур – 1, скорость вращения – 1, длительность суток – стандартная, орбитальный

¹ Человек разумный.

² Род кактусов.

³ Чертовски богатые люди.

выбег близок к эталонному».

*(Рекламная брошюра туристического агентства
«Синий лотос»)*

Платон Рассольников на мгновение задержался перед черной бездонной пропастью гравитационного лифта и перехватил тросточку обеими руками. Умом он понимал, что гравитационные лифты в десятки раз безопаснее механических, в сотни раз безопаснее орбитальных шлюпок и в тысячи раз – трансгалактических катеров. И тем не менее, в кресло катера он всегда садился с легким сердцем, а шахта лифта без единой видимой опоры вызывала у него острый холодок чуть ниже левой лопатки. Но деваться некуда:

– Сто шестьдесят семь, – сообщил он в пустоту перед собой и сделал шаг.

На секунду Рассольников замер в пространстве, после чего ухнул вниз в свободном полете. Желудок предательски прыгнул к горлу, сбив на ходу в сторону сердце и зажав легкие. У Платона сбился ритм пульса и перехватило дыхание. И как люди только живут на этой чертовой Земле, с ее дикой перенаселенностью и постоянным прогрессом?

Вспомнить про свое милое двухэтажное бунгало на Гее-Квадрус, без всяких там вакуумно-гравитационных лифтов, зато с бассейном, коротко стриженным газоном из самой обычной местной травы, зеленой изгородью вдоль дороги и трех абрикосовых деревьев Платон не успел – лифт резко затормозил его бречное тело, возвращая желудок на свое за-

конное место, и бесцеремонно выбросил на ярко освещенную площадку.

– Сто шестьдесят седьмой этаж, – сообщил бархатный женский голосок таким тоном, словно напрашивался на стопочку выдержанной текилы с соответствующим продолжением.

– Сам знаю, – не удержался от ответа Платон и пошел по коридору, громко цокая каблуками по толстому стеклянному полу, под которым перебирали листвой от напора вентиляции сочные, откормленные мать-и-мачехи, васильки, осока, одуванчики. Придумают тоже...

– Земляне, – презрительно фыркнул Рассольников и толкнул дверь приемной.

– Здравствуйте, – вскинула голову от стола секретарша. – Вы по какому вопросу?

– Мне нужен Дэвид Каннелони, – Рассольников с интересом окинул взглядом румяные щеки девушки, ее маленький чуть задранный носик, округлые плечи и весомую грудь. Похоже, Пиноккио потянуло на «пышечек» – если, конечно, ее не прислали из отдела кадров по квалификационному запросу.

– Какой у вас вопрос?! – голос секретарши стал заметно суше.

– Он меня ждет, – Платон постучал по матовой столешнице кончиком трости, и к девушке моментально пришло узнавание:

– Простите, мистер Рассольников, – она что-то переключила на левой панели. – Профессор вас ждет.

Платон толкнул тяжелую створку звуконепроницаемой двери и вошел в кабинет. Сидящий в самом дальнем темном углу, в конце длинного стола из мореного дуба, худощавый человек с коротко стриженными темными кудрями уже поднимался навстречу, широко раскрывая объятия:

– Привет, Атлантида!

– Здравствуй, Пикко!

Полтора десятка лет назад, попивая вместе пиво во время межпланетных олимпиад, забрасывая камнями полицейских во время маршей протеста против индустриализации колонизируемых планет и строительства орбитальных заводов, шляясь по низкопробным кабакам, студенты из разных звездных систем даже не подозревали, что закладывают будущую политику государств и монополий, исследовательских центров и музеев, направление развития науки и техники. Однако прошли годы. Бывшие студенты стали хозяевами мелких фирм или начальниками отделений в крупных корпорациях, ректорами институтов и главами государственных подразделений, офицерами армии и учеными. Вполне естественно, при возникновении разных вопросов, они в первую очередь вспоминали старых друзей и именно им первым предлагали новые заказы, спонсорскую помощь или заявки на перспективные исследования. Только благодаря тому, что ректор Страдфорского университета Дэвид Каннелони, про-

званный когда-то Пиноккио за безудержное хвастовство и Платон Рассольников, получивший тогда же кличку Атлантида, в годы оные вместе вылетели с третьего тура студенческой олимпиады по истории Второй Конкисты, небольшой островной университет ныне мог пополнять свою коллекцию ценнейшими экспонатами, преподнесенными в дар неким известным археологом, а некий независимый археолог получал возможность время от времени печатать небольшие научные статьи, читать лекции и получать граны на новые экспедиции.

Как ни странно, именно возможность читать лекции и публиковать статьи Рассольников ценил превыше всего. Они позволяли ему удерживать при себе имидж настоящего историка и предохраняли от прибавки «сомнительная» к его репутации. Два месяца назад Платон подарил университету так называемую «железную печать», найденную им на Тибете – небольшой планете, напоминающей шарик из скомканной бумаги, с гравитацией в одну треть стандартной и почти без атмосферы. Подарок был оценен в пятнадцать с половиной миллионов оболов. Ошалевшие от его щедрости профессора с подачи Пиноккио едва не присвоили Рассольникову звание «член-корреспондента», но в последний момент сочли его слишком молодым и ограничились титулом «почетного хранителя музея». Мелочь, но приятно. Особенно, если учесть, что звание разрешало «хранителю» безвозмездно проживать на территории университета на полном панси-

оне – чем Платон с удовольствием и пользовался.

– Ты растолстел, Атлантида! – Дэвид потыкал гостя в живот маленьким кулачком.

– Я растолстел?! – возмутился Платон. – Ты, Пикко, по себе нормальных людей не ровняй! Не все способны жить на полтора яблока в неделю.

– Йогой нужно заниматься, а не бифштексы с кровью по пять раз на дню жрать.

– Нет уж, нет, – вскинул ладони Рассольников. – Что бы меня потом сквозняком из палатки унесло? Да я не то что бифштексы, консервы есть готов, лишь бы на тебя не походить!

– Консервы? – профессора Каннелони передернуло. – Лучше бы ты водку свою пил, что ли...

– Да, ты прав, Пикко. Стопочка текилы пойдет на пользу в любой ситуации.

– Тогда садись, – приглашающим жестом указал хозяин кабинета на два кресла, что стояли у самого окна.

Само собой, кабинет ректора находился в тех двадцати этажах стасемидесятиэтажного дома, что выступали над поверхностью земли. Из окна открывался прекрасный вид на пышные кроны деревьев под ногами и серо-стальные морские волны вдалеке. Не смотря на самые угрожающие прогнозы, во время потепления двадцать первого – двадцать третьего веков британские острова затопило всего лишь наполовину. Пролив, отделяющий Остров от материка, просто

стал немного шире, и все. Теперь, когда климатологи прогнозируют новое оледенение, перспектива куда хуже. Обмеление океанов грозит поглотить перемышку воды, отделяющую Британию от прочих народов – а вместе с ней уничтожить и ее хваленую самобытность. Рано или поздно, но море уйдет от стен Страдфора, поднимутся с морских глубин Сардиния и Херсонес, Сидоп и Эдинбург, Губл и Норидж, Атлантида и Бристоль. И Остров перестанет существовать.

– О чем задумался? – спросил Дэвид, протягивая приятелю граненый бокал с текилой и усаживаясь в соседнее кресло.

– Об Атлантиде, о чем же еще? – усмехнулся Рассольников, принимая фужер. О соли в обители йога спрашивать было бесполезно, и археолог без разговоров опрокинул напиток в рот. – А-ах, хорошая вещь! Колбаски бы сейчас к ней.

На подначку Платона ректор не отреагировал – просто поднялся со своего места, сходил еще раз к спрятанному в стене бару и вернулся не только с полным бокалом, но и с полной бутылкой.

– Ты бы хоть воды со мной выпил, что ли? – предложил Атлантида.

– Я уже пил, – покачал головой Пиноккио. – Следующий стакан полагается только через полчаса.

– Теперь понятно, почему ты никогда в экспедиции не ездил, – покачал головой Рассольников. – Там с такой пунктуальностью тебе даже яблоком перекусить бы не удалось.

– Кстати, об экспедиции, – отдав текилу другу, вновь опустился в кресло профессор Каннелони. – Ты в ближайшее время никуда не собираешься?

– Да есть некоторые планы, – наострил уши Платон. – Но все пока на стадии проекта...

– Может быть, отвлечешься на недельку другую? Сделаешь доброе дело для хорошего университета, – улыбнулся ректор, – сам кое-чем разживешься.

– Где-то что-то плохо лежит?

– Можно сказать и так, – согласился Каннелони. – «Плохо лежит». Есть прекрасная возможность быстро и без хлопот переложить это «что-то» в более надежное и хорошее место. Например, к нам...

– А при чем тут я?

– ...Или к тебе, – рассмеялся Пиноккио, откидываясь на спинку кресла. – Но ведь ты, как истинный меценат, поделишься с нашим музеем, правда?

– Тебе торговцем работать, а не научными работами руководить, – Платон опрокинул вторую порцию кактусовой водки, и недовольно поморщился. – Ладно, признавайся, на каком острове зарыт твой клад?

– Это недалеко, на Медузьей Дороге, – перешел на серьезный тон Каннелони. – Около двухсот пятидесяти парсеков⁴. Ну, там, где недавно крейсер «Гремящий» на космическую мину наскочил. Слышал?

⁴ Один парсек примерно равен четырем световым годам.

– Еще бы! Про это полмесяца по всем каналам новости трубили! И не захочешь, один бес все мозги прополощут. Надеюсь, ты не собираешься выяснять, откуда взялась мина?

– Да нет, конечно, – отмахнулся Дэвид, – там все равно ничего, кроме газов не осталось. Просто после того случая, с миной, довольно много народу: журналисты, поисковики, просто любопытные начали рыться в архивах, выискивая все, что с этим сектором было связано.

– И что?

– Оказывается, примерно там же, на Медузьей Дороге, двести лет назад пропал экспедиционный корабль Пятого Конда. Ну это одна из планет в скоплении Весов.

– Слыхал, – кивнул Рассольников.

– Про корабль?

– Нет, про Пятый Конд. Они тогда росли на своих медных платформах, как обожравшийся удав. Кучу музеев и университетов открыли, оперы, живые театры, карнавалы... В общем, пуп вселенной из пятнадцати планет вырос... Пока вся галактика на ртутные платформы не перешла. Тут всем семи Кондам конец и настал. Скоро их самих раскапывать можно будет.

– Ну, до этого дело не дошло, – не согласился Каннелони, – но суть в другом. Они в свое время послали довольно много экспедиций за пределы обитаемого космоса. В том числе и эту. Она очень хорошо поработала на дальних витках галактики. Туда после них, по-моему, уже никто не совался.

Были сообщения о следах каких-то невероятных цивилизаций. Не «сверх», разумеется, а об обычных, гуманоидных, с уровнем развития примерно начала нашей Эры⁵.

– А что в них такого невероятного? – Атлантида настолько увлекся рассказом ректора, что начисто забыл про текилу. Одинокая бутылка сиротливо стояла у самого окна, а фужер катался у археолога по коленям.

– Знать бы! – Каннелони ударил себя кулаком в ладонь. – Так пропала экспедиция! Не пересекла Медузей Дороги! Корабль шел назад, с него то и дело поступала информация о находках и выводах по исследованным планетам. Кое-чем Кондиды хвастались во всеуслышанье. Солнечными чашами, например, настенной фонетикой или вот, поясным копьем.

Ректор повернул голову в глубь кабинета и громко приказал:

– Машина, картинку! Стержень Нептуна!

В воздухе перед окном повис длинный трезубец – черное двухметровое древко заканчивалось с одной стороны тремя полуметровыми наконечниками, с другой – широким коричневым ремнем. Платон встал, уронив фужер на пол, обошел вокруг копия. Пригляделся к наконечникам.

– Из чего сделаны, не сообщалось? На глаз непонятно, картинка не в резкости. Какой материал? Как обрабатывали?

⁵ Наша Эра – имеется в виду Вселенская Эра, которая отсчитывается с первого полета человека в космос.

– Не знаю, – вздохнул Каннелони. – Формат видеозаписи записи устарел, сам видишь. Да и чего с нее взять? Стандарт двухсотлетней давности. А «сопроводиловки» нет.

– Хитрая штука. – Рассольников еще раз обошел копье, примерил, как застегнется на талии ремень. Получалось, основание копья ложится чуть выше паха. Платон прикинул, какими движениями копейщик должен наносить удар, ехидно улыбнулся и покосился на ректора.

– Да-да, – рассмеялся Пикко, – именно так я этот файл поначалу и назвал. Потом вспомнил, что придется вызывать его при гостях, и переименовал в «стержень Нептуна». Так как тебе поясное копье, Атлантида?

– Никогда не слышал ни о чем подобном.

– Вот-вот, – кивнул ректор. – Ребята из Пятого Конда прошлись по планетам первыми и собрали все сливки.

– Значит, говоришь, Медузья Дорога? – Рассольников вернулся к креслу, подобрал фужер, потянулся за бутылкой. – Далековато. Собрать людей, три недели туда, три обратно, неделя там... Думаю, со всеми погрузками-разгрузками и форс-мажорами нам понадобится приличный экспедиционный корабль почти на два месяца. Кто-нибудь платит?

– Зачем людей собирать? – удивился профессор. – Там ведь ничего искать не придется. Просто сесть рядом с разбившимся кораблем, перегрузить находки и увезти. Двух человек хватит за глаза и за уши.

– Может, ты и прав, Пикко, – согласился Платон, напол-

няя фужер, – но легким катером тут все равно не обойтись. Находки на нем не вывезешь.

– Можно поступить иначе, – продолжил свою мысль Каннелони. – Просто отправиться в этот сектор обычным пассажирским рейсом, там взять в аренду небольшой транспорт. Сесть, перегрузить, вывезти. Малыми грузовыми кораблями ты управлять умеешь, я знаю. Сам посадишь, сам до Земли доведешь. Все будет чисто, без всяких посторонних глаз.

– Да уж приходилось на грузовиках полетать, – признал Рассольников. – Я смотрю, Пикко, ты успел продумать все до мелочей? Никак вместе со мной решил прокатиться? – гость опрокинул текилу в рот. – Давно пора! А только и знаешь, что штаны просиживать, да попки детишкам надирать. Поехали. В принципе, если следовать твоему плану, можно уложиться в смету самим. У меня кое-какие сбережения есть, у тебя наверняка не меньше. Вот только «грузовика» в аренду взять будет трудно. Незнакомым людям без залога не дадут, а такой суммы не то что у нас, у всего вашего университета нет.

– Ты знаешь Теплера Вайта, Атлантида? – осторожно поинтересовался Каннелони.

– Вайта? – удивился Рассольников. – Еще бы! Помниться мы с тобой на Меркурии Плюс не слабо камушками покидались, когда протестовали против подъема его заводов радонных стержней на орбиту. Это уже потом выяснилось, что этот буржуй – самый крупный и богатенький коллекционер

холодного оружия. Я его даже видел пару раз на свадьбах у сестрицы... А-а, понятно. Теплер прослышал про поясное копье и решил прибрать его себе? Тогда с деньгами проблемы быть не должно. Сколько ты с него вытряс?

– Он готов оплатить билеты для полета туда вместе с проводником, на месте нанять компактный корабль, а потом перевезти находки на Землю.

– Что значит: «для полета вместе с проводником»? – поднял брови Платон.

– Понимаешь, Атлантида, – вздохнул ректор. – Вся информация по экспедиции Пятого Конда – у Теплера. А он хочет лично отправиться на место аварии. Правда, что такое экспедиция, как управлять грузовиками, как договариваться с местным населением он не знает, и ему нужен проводник.

– Какого рожна ему надо на Медузей Дороге? – хмыкнул Рассольников. – Кости давно не ломал? Гробокопатели и сами прекрасно все сделают, лишь бы он счета оплатил!

– Он хочет сам увидеть находки, аж дрожит, – усмехнулся профессор. – Очень хочет. К тому же, боится, что без его присмотра разворуют половину денег и половину находок. Ему приходилось общаться с «черными» археологами и он не склонен верить им на «честное слово». Теплер Вайт хочет забрать в свою коллекцию все оружие, какое найдется на месте крушения. Естественно, для этого нужно увидеть находки самому, и убедиться, что ни один ножичек не «уплыл» на сторону. Вот Вайт и обратился ко мне с просьбой пореко-

мендовать ему честного, опытного археолога. Так что, придется тебе лететь с ним.

– С Теплером? С этим тупым, упрямым громилой? Ни за какие деньги!

– А деньги тебе, кстати, никто и не предлагает.

– Как это? – Рассольников настолько опешил над подобным заявлением, что забыл налить себе еще фужер текилы, хотя уже тянулся за бутылкой.

– А вот так, – ректор с самодовольной улыбкой откинулся в кресле. – Ты невнимательно меня слушал, Атлантида. Теплер хочет забрать себе все оружие, какое найдется на месте крушения. На остальные находки ему плевать. Так что, проводнику может крупно повезти. А если учесть, что Вайт фактически готов к вылету, обогнать его не удастся никому. Даже если вместо тебя он наймет себе самого безмозглого проводника из всех живущих.

– Двенадцать тридцать семь, – сообщил из глубины кабинета звонкий детский голосок.

Каннелони поднялся, сходил к своему столу, налил в стакан немного воды, сделал два глотка, перед каждым подолгу гоняя воду во рту от щеки к щеке, потом вернулся к гостю и продолжил:

– А мне, Атлантида, будет очень обидно, если настенная фонетика, солнечные чаши, поясные наборы и кастовые вымпелы достанутся не тебе, а какому-нибудь кретину. Говорю это не потому, что рассчитываю на подарки нашему

музею, а просто действительно обидно. Согласись, Платон, такие удачи, как целый корабль артефактов, случаются от силы раз в жизни.

– Еще неизвестно, есть там хоть что-нибудь, или это обычная историческая утка.

– А чем ты рискуешь? – оживился ректор, ощутив перемену в настроении собеседника. – Вайт обещает отдельную каюту, отдельный номер в гостинице, питание и чаевые за его счет. Ты можешь вообще с ним не встречаться! Сиди себе в каюте или в номере. Когда он арендует транспорт, доведешь «грузовик» до планеты, загрузите его, и вернетесь на Землю. Опять же, в рубку его можешь не пускать. Сам считал – два месяца на все. Вам же неолитические стоянки искать не придется. И курганы вскрывать не понадобится. А ничего не найдете – раньше вернетесь.

– А выпивка?

– Какая выпивка? – в свою очередь запнулся Каннелони.

– Питание за его счет, – напомнил Платон. – А выпивка? Мне почти три недели по каютам и номерам сидеть, пока на место доберемся. Пикко, я что, все это время «объемку» смотреть должен? Так она без литра текилы – полная чухня! Да и с текилой – тоже. Просто не так заметно.

– Если это твое условие, – пожал плечами Каннелони, – я сейчас передам его Теплеру. Он ждет моего ответа примерно в это время.

– Ладно, – поднялся Рассольников со своего места. – Бу-

дем считать, что ты меня продал. Сообщи потом, о чем вы договоритесь.

– Ты в нашей гостинице остановился? – на всякий случай уточнил ректор.

– Да, – кивнул Платон, задумчиво глядя на бутылку с остатками текилы, потом решительно отмахнулся и зашагал к двери.

Только приближаясь к лифту он в полной мере осознал, что принятой дозы, пожалуй, маловато для полного расслабления. В конце концов, деловая часть его поездки на старушку Землю завершена. Никаких переговоров больше не предвидится, никаких решений принимать не надо, ни о чем думать не требуется. Можно полностью отключиться от всего мирского и перейти в высшее духовное состояние, обеспечиваемое литром – другим прекрасного ароматного напитка. Получить от Пиноккио посадочный талон и обеспечить доставку в космопорт сможет и гостиничный компьютер.

Приняв столь радикальное решение, Платон Рассольников по прозвищу Атлантида резко изменил направление своего движения, устремившись в университетский бар.

Мягкий полумрак обширного помещения обеспечивался иссиня-черным небом с острыми огоньками звезд и медленно ползущей в невероятной высоте огромной Луной. Впечатление портили только шляпки шурупов, проскальзывающие по лику царицы ночи в обратном ее движению направлении.

Стойку подсвечивал светло-голубой туман, клубящейся над головами четырех барменов, деловито снующих вперед-назад вдоль полированного прилавка.

– Текилу! – потребовал Рассольников, выкладывая на стойку свою драгоценную трость.

Бармен недовольно покосился, но ничего не сказал, быстро плеснув в фужер на два пальца напитка и подтолкнув его к клиенту.

– Я просил текилу, – повторил Атлантида.

– Это текила, – кивнул бармен.

– Я просил налить мне *текилу*, – сделал усилие на последнем слове Рассольников, и до бармена, наконец, дошло: он выхватил из-под прилавка чистый фужер, макнул его в воду, потом в соль, перехватил нетронутый клиентом бокал, перелил текилу в новый, верхний край которого, казалось, покрылся изморозью, насадил сверху кружок лимона и выставил на гляцевую столешницу.

– Спасибо, – кивнул археолог. Он взял фужер в ладони, несколько минут погрел его своим теплом, а потом поднес к губам медленно опрокинул, плавно вращая вокруг своей оси – чтобы живительная жидкость впитала как можно больше соли. Закусил лимоном, прислушался к внутренним ощущениям. По телу прокатилась волна тепла, неся с собой расслабленность и умиротворение. Теперь ему хотелось просто сесть, вытянуть ноги и прикрыть глаза.

– Еще одну, – попросил Рассольников и оглядел зал. Как

назло, почти все места были заняты. Похоже, не смотря на самое учебное время, мало кто из школяров желал сидеть в аудиториях и слушать заумствования престарелых профессоров. Атлантида углядел неподалеку только одно бесхозное кресло – правда, за столиком сидело двое девушек и один парень. Возможно, второй кавалер просто отлучился по насущной необходимости.

– Ладно, – буркнул Платон, подхватывая услужливо поданную барменом новую порцию текилы. – Прогонят, пойду в номер. Сам лимончик порежу.

– Вы позволите? – он поставил фужер на стол, положил тросточку рядом и упал в кресло.

Студенты недовольно покосились, но промолчали. Все трое были одеты в облегающие костюмы из термоткани – той самой, что меняет цвет в зависимости от температуры. В свое время Рассольников решил, что это чисто больничная одежда: уж очень удобно по ней определять общее состояние пациента, его температуру и наличие воспаленных областей. А вот поди ж ты! Ненормальные земляне теперь разгуливают в подобном цветах безобразии едва ли не через одного. Никакого вкуса. Впрочем, ничего удивительного: самые умные и активные уже давно отправились к новым мирам. Естественный отбор во всей красе: остались только ленивые дураки. *Земляне...*

Платон хмыкнул, перехватил презрительный взгляд, брошенный на его безупречно белый шерстяной пиджак, цветок

кактуса в петлице и стройную тросточку и покачал головой:

– Зря вы считаете меня старикашкой, косящего под денди девятнадцатого земного века. Мне эта трость уже три раза жизнь спасала. В нее вделан аварийный передатчик. Компактный, но мощный. Не улыбайтесь, молодой человек, я сам понимаю, что цилиндр диаметром в сантиметр трудно назвать «компактным», но зато свой «SOS» он орет на сферу в четыре парсека. А в нижней трети есть еще вот это...

Атлантида сжал рукоять, и из трости почти под прямым углом в сторону выпрыгнуло немного изогнутое металлокерамическое лезвие пятнадцати сантиметров в длину.

– Осторожнее, не порежьтесь! Нижняя грань заточена, – предупредил он протянувшую руку девушку. – Как видите, это еще и легкий альпеншток. Помнится, на Гвоздике, это планета земного типа в секторе Тетчер, угораздило меня, стоя на носу семидесятиметровой статуи Будды, потянуться к ее глазу. Поскользнулся я, и полетел вниз как миленький. Хорошо, успел клинок в губу вогнать. Минут десять на тросточке висел, пока ребята веревку спустили. Или на Тибете на леднике почти полкилометра на спине прокатился. Тут уже сам смог выбраться, с помощью тросточки и полилингвиста. Правда, компьютерный переводчик после того, как я с его помощью полтора часа лунки для ног выдалбливал, все языки кроме арабского забыл. Не везет мне с переводчиками.

– А это случайно не холодное оружие? – осторожно поин-

тересовался студент.

– Это одежда, – парировал Атлантида, убирая лезвие обратно в трость. – Я без нее чувствую себя голым. Точнее, я предпочту скорее остаться голым, чем без нее. Больше шансов выжить.

– А что вы делали на Тибете? – полюбопытствовала кудрявая голубоглазая студенточка. – Вы кто, геолог?

– Археолог! – возмущенно зарычал Атлантида и со вкусом осушил бокал с текилой. Прежде, чем отправить в рот лимон, он поинтересовался: – А вы думали, «железную печать» я дома, в подвале лобзиком выпиливал?

– Так вы тот самый Рассольников?! – не поверили своим ушам студенты.

– Простите, забыл представиться, – развел руками Атлантида. – Платон Рассольников, почетный хранитель вашего музея.

– Джарита, – назвала себя голубоглазая кудряшка.

– Забава, – кивнула кареглазая, с длинными прямыми волосами девушка.

– Джорж, – протянул руку парень. – Неужели вы тот самый Рассольников?! – все еще не мог поверить он.

– Какой есть, – доброжелательно усмехнулся Атлантида.

Археолог мысленно поблагодарил господ за то, что он создал всех журналистов безмозглыми баранами, а умных профессоров – наивными чудаками. Стараниями и тех, и других за последние годы Рассольников приобрел репутацию беско-

рыстного исследователя и щедрого, богатого мецената. Между тем, ни первым, ни вторым так и не пришло в голову, что подаренная им университетскому музею «железная печать», застрахованная на пятнадцать с половиной миллионов оболов, на черном рынке не стоит и двух медных су.

За время полугодичных раскопок на Тибете, Атлантида нашел немало несомненных признаков жизни там неких разумных существ, следы кочевых стоянок, но из реальных вещей раскопал только небольшую медную тонкостенную чашу, кем-то зверски пожеванную, и продолговатый кусок сырого железа с хорошо различимым клеймом. Сопоставляя его рисунок с библиотекой символики, Атлантида с изумлением обнаружил, что клеймо с планеты Тибет удивительно напоминает тавро, которым метили свой скот королевские погонщики древней Бирмы. Это означало, что еще в доисторические времена между двумя планетами могли поддерживаться прямые контакты! Нет ничего удивительного, что клеймо было оценено в такую невероятную сумму, которой Атлантиде, по всей видимости, не удастся заработать за всю оставшуюся жизнь. Однако совершенно ясно и то, что истинную ценность такой артефакт приобретает только в случае его легитимности – то есть, извлечения со всеми соответствующими формальностями: объемной съемкой, ведением протокола, присутствием свидетелей и так далее, и официальной регистрации. Плюс – целая череда последующих экспертиз. Иначе клеймо – просто обычная, ничего не значащая

железка. Естественно, столь ярко «засвеченный» артефакт на «черном рынке» уже никому не нужен: кто же признается, что заграбастал себе официальную находку?

Поэтому Атлантида и подарил «железное клеймо» Страдсфорскому университету – выбирая между возможностью просто не заморачиваться бесполезной вещью и забыть про нее, или потратить немного личного времени и подкинуть свой камушек в слепленный кое-как фундамент науки, Рассольников предпочел второе. Зато теперь он имел право на полный пансион в стенах университета, на завистливые взгляды мужчин и восторженные – женщин. Еще бы – человек легко и просто подарил университету пятнадцатимиллионный артефакт. Денег, наверное, голуби не клюют! А еще – на изрядный кусок известности, благодаря которой на регулярных свадьбах сестрицы его узнавал как минимум каждый третий гость.

Вот и сейчас – стоило студентам понять, с кем они имеют дело, как оттенок легкого презрения к тридцатилетнему «старикашке» сменился благоговейным восторгом перед возможностью прикоснуться к «самому» Платону Рассольникову.

– Так что, – предложил Атлантида, – выпьем за знакомство за счет альма-матер?

Предложение было немедленно принято, после чего посыпались обычные в таких случаях вопросы:

– Вы, наверное, всю вселенную облетели?

– Ну что ты, Забава, – рассмеялся Атлантида. – Вселенная немножко великовата для одного человека. Разве только нашим доблестным медикам удастся продлить среднюю продолжительность жизни с трехсот до хотя бы пяти тысяч лет. Тогда можно рассчитывать пробежаться по паре рукавов нашей галактики.

– А вы берете с собой в экспедиции женщин? – покраснев, поинтересовалась Джарита.

– Только таких симпатичных, как ты, – даже литр текилы, успевший разбежаться по венам Атлантиды, не смог лишить его галантности.

– Скажите, Платон, а как вы разыскиваете стоянки разумных существ? – проявил профессиональный интерес Джорж.

– Это довольно просто, – пожал плечами Рассольников. – Оцениваете планету, прикидываете, где именно предпочли бы жить вы сами, пробиваете в этих местах пробные шурфы и делаете послойную квантовую съемку. Или двигаетесь вдоль реки, смотрите, где сами предпочли бы встать на стоянку и опять: шурфы и послойная съемка. Самая проста, самая распространенная и самая надежная методика.

– Подождите, Платон, – удивился студент. – Но ведь таким образом невозможно найти следы других разумных рас! У них другое строение организмов, другие потребности, другое мышление...

– Вы попали точно в яблочко, Джорж! – захлопал в ладони Атлантида. – Мы не умеем мыслить как «чужаки», не умеем

их искать. Очень может быть, что именно поэтому наша наука и считает гуманоидов доминирующей расой во вселенной. Ей богу, вы молодец, молодой человек! Я хочу выпить за ваш цепкий интеллект. Закажите нам еще по одной порции. Нет, по две – нам нужно выпит за историю.

Атлантида оседлал своего любимого конька – историческую науку. При наличии заинтересованных слушателей и достаточных запасов текилы он мог говорить о ней часами:

– Мы не умеем искать, друзья мои, просто не умеем искать! В результате воображаем о своем прошлом черт знает что. Возьмите хотя бы Землю. Да, да, нашу исхоженную, изъезженную, ископанную старушку Землю. Вот, например, все знают о нашествии монголов на Европу. Все знают. А ни одной их могилы, ни одного кургана, одинокого мертвеца, ни одного щита или хотя бы наконечника стрелы по сей день выкопать никому не удалось. Где они? Зато где-то под полярным кругом нашлось несколько могил высоких людей явно европейского происхождения с великолепным рыцарским турнирным вооружением. Кто они, откуда? Таких доспехов никто и нигде делать в те времена не умел, а сейчас никто делать не станет. Или Америка. Все знают, что при заселении Северной Америки было начисто истреблено почти десять миллионов индейцев и вместо них поселены европейцы. Кто смог организовать эту бойню? Кто перекинул через океан миллионы поселенцев и построил новую Великую империю, если через океан плавали считанные

десятки кораблей пассажировместимостью по полсотни человек? Никаких следов ни флотов, ни военной промышленности нет. Эх, Джорж, давайте выпьем за души тех туземцев, на чьих костях выросли Великие Соединенные Штаты. Впрочем, не нужно смотреть через океан. Вернемся сюда, на Остров. Вы знаете, что в начале столетней войны Эдуард третий выплатил своим солдатам двадцать четыре тонны золота? Двадцать четыре тонны новеньких, свежоотчеканенных золотых монет! Где он взял столько золота в этой глухой, дикой и бедной в то время стране? Сам король утверждал, что его добыли из свинца его личные алхимики. Или вы думаете, алхимики потом почти триста лет просто так всю жизнь за колбами просиживали? Не-ет, они знали, что королю Эдуарду золото кто-то сварил! Но никаких следов ни химических лабораторий, ни золотых рудников найти никому за все прошедшее время не удалось. Вот так, молодые люди, на Земле до сих пор толком не разберемся, кто когда и откуда пришел, и куда сгинул. А в космосе...

– Откуда вы все это знаете? – изумилась Джарита.

– Ах девочка моя, – Атлантида накрыл ее руку своей сухой горячей ладонью. – Ты совсем забыла, что я историк. Или вы считаете, что до Второй Конкисты человечества не существовало?

– Пиноккио! – внезапно громко прошептал Джорж, и студенты кинулись врассыпную. Все, кроме Джариты. Не сумев выдернуть свою ладошку из сильной руки археолога, она па-

ру раз дернулась, как попавший в сеть голубок, и затихла, втянув голову в плечи, опустив лицо вниз и чуть ли не перестав дышать.

– Так и знал, что ты здесь, Платон, – подошел к столику Каннелони. – Я сейчас переговорил с Вайтом. Он про тебя слышал и очень рад, что ты согласился ему помочь. Оказывается, он уже успел снять две каюты на каком-то пароходе. Отлет послезавтра, корабль называется «Ягель»... Впрочем, чего я тебе рассказываю, – профессор кинул на стол пластиковый цилиндр. – Здесь все. И посадочная карта, и данные космопорта, и корабля. Да, кстати, все данные по *той* экспедиции я тоже на кристалл скинул.

– Спасибо, Дэвид, – Атлантида переправил цилиндрик в карман.

– Слушай, Платон, ты не хочешь навестить музей? Ты все-таки почетный хранитель. Журналисты целый день у парадного входа пасутся. Надеются, ты им что-нибудь подкинешь для свежего номера.

– Разумеется, – кивнул археолог. – Я тут как раз расспрашиваю школяров, насколько хорошо музей работает, нет ли замечаний.

– А-а, – Каннелони еле заметно улыбнулся уголками губ и перевел взгляд на Джариту. – Вы только не очень сгущайте краски, юная леди. Будьте снисходительны к престарелым зрителям.

– Да, господин ректор, – тихо прошептала девушка.

– Ну, тогда я спокоен, – кивнул профессор. – Надеюсь, Платон, мы еще увидимся до отъезда.

– Обязательно, – пообещал Атлантида и, наконец-то, отпустил руку девушки: – Ну вот, Джарита, и оказалась ты моим общественным инспектором. Придется ехать в музей, раз обещали. Ты не против?

Девушка кивнула.

– Вот и хорошо. Только заглянем ко мне в номер, нужно просмотреть, что там на кристалле записано.

– Ого, у вас окна на улицу выходят! – изумилась Джарита, стоило им войти в номер.

– Да, – согласился Атлантида. То, что под окнами шестого (он же, по мнению лифта, сто пятьдесят шестой), этажа шелестели зеленые кроны парка казалось археологу простым и естественным.

– Нам говорили, что в доме человек или спит, или смотрит объемку, или занимается учебой и потребности в окнах не испытывает.

Атлантида только молча ухмыльнулся – чего только эти земляне не придумают, чтобы оправдать перенаселенность и нужду жить в подземных квартирах. И это в то время, когда во вселенной не то что свободных земель – планет свободных не сосчитать!

Он закинул пластиковый цилиндр с кристаллом в приемник гостиничного терминала и, пока Джарита исследовала

номер, быстро пролистал скинутую Пиноккио информацию. Посадочный талон европейского космопорта, подборка статей о Теплере Вайте, картинки с поясным копьем, некими чашами, стенными панелями и странными нарядами. Ничего особенного, но все равно интересно.

– Ого! Гравитационная постель! – слышалось из спальней.

Рассольников дал команду переписать содержимое кристалла к себе в браслет и заглянул в дверь. Девушка, не удержавшись от соблазна, рухнула на казенную койку и теперь покачивалась в воздухе на высоте полуметра. Вообще-то, Атлантида пребывал в уверенности, что новомодная «гравитационная постель» – всего лишь хитрая лазейка гостиничной администрации, возможность сэкономить на постельном белье для постояльцев... Но, судя по реакции Джариты, это было действительно чем-то редкостным и дорогим.

– Тебе нравится? – Атлантида снял свой пиджак, повесил на спинку стула и упал рядом со студенткой. И тут же увидел, как по облегающему платью из термоткани пробежала сверху вниз голубая волна, а на кончиках груди появились красные пятнышки. – Неужели перегрелись?

Платон протянул руку и осторожно коснулся одного из сосков. Краснота моментально растеклась по всем грудям, появилась внизу платья и опоясала бедра.

– Какое интересное платье! – Атлантида провел ладонями девушке по бокам, на что платье моментально откликнулось

желтой вспышкой, которая медленно рассеялась оранжевыми пятнами. Джарита застонала и выгнулась дугой. Платон нашел губам губы, впился в них, проникнув языком между ее зубов, покосился вниз. Платье переливалось зелеными волнами, и только красный пояс чуть ниже талии оставался на своем месте. Рассольников скользнул ладонью между бедер, задирая подол. Пояс налился алым и стал расширяться вниз, навстречу его руке. Одновременно вишневым цветом раскалились груди и плечи.

Атлантида начал целовать ее шею. Его ладонь добралась до трусиков Джариты, рывком сдернула их вниз. Девушка закинула руки за голову. По платью с калейдоскопической скоростью замелькали зеленые, синие, желтые полосы.

– Да-да-да-да-да-да... – тихо зашептала она.

Атлантида торопливо избавился от брюк, уже не особенно заботясь о сохранности безупречной складки, от трусов, встал на колени, зависнув в паре сантиметров над постелью, поднял девушку на уровень своего пояса и резко вошел в нее. Платье откликнулось желтой вспышкой, а Джарита раскинула руки в стороны, жалобно заскулив. Платон совершил новый толчок, потом еще и еще. Каждый раз платье вспыхивало осенней желтизной, которая постепенно смещалась к оранжевым оттенкам, потом к светло-красным, вишневым, темно-бордовым – пока после очередного толчка Джарита, издав вопль ужаса, не вонзила свои острые ногти Платону в руки. Платье полыхнуло чем-то ослепительно белым и мед-

ленно растеклось светлой прозрачной зеленью. Девушка обмякла и безвольно повисла над кроватью. Настолько безвольно, что у слегка ободранного Атлантиды пропало желание продолжать свои старания по продолжению человеческого рода и появилось желание пощупать у гостьи пульс. Могучим усилием воли археолог отогнал дурные мысли и отправился в душ замыывать царапины.

Единственное, что ему понравилось из изобретений земноводных (в смысле, водящихся на Земле), так это «шаровой душ». На зашедшего в душевую кабинку человека обрушиваются тонкие упругие струи, бьющие с потолка, из стен, из пола. Возникает ощущение, что ты оказываешься в толще кипящей от ярости волны, которая норовит вгрызться в тело, просочиться сквозь кожу внутрь. Каким-то непонятным образом душ отслеживает местонахождение лица и оберегает его от прямых водяных атак – а то ведь и захлебнуться недолго – но все остальное тело одновременно и моется, и массируется, и подкармливается некими хитрыми косметическими добавками. Рассольников даже подумал расстаться с чем-нибудь не очень ценным из своей личной коллекции и приобрести такую вот кабинку себе в дом.

На мгновение струи опали. Платон увидел, как раскрылась дверца и Джарита, уже без платья проскользнула внутрь.

– О боже, неужели это я? – в ужасе воскликнула она, увидев руки археолога, упала на колени и стала покрывать их

поцелуями. – Прости меня, милый, прости пожалуйста...

Внезапно Атлантида ощутил, что жалость девушки стала изливаться ему совсем не на руки. Платон понял, что ни в какой музей сегодня не попадет.

Глава вторая

«Ягель»

Олимы – обитатели планеты Грин. Сами они называют свою планету «Силикс», что в переводе на русский язык означает Земля. Эта разумная раса развилась из высших травоядных. Средний рост олимов – около полутора метров, вес – порядка шестидесяти килограмм. Раз в полтора года по земному календарю олимы сбрасывают рога. Новые растут на протяжении трех месяцев, и все это время насыщены олимофромом (Jolimofrovjc), весьма эффективным и дорогостоящим афрозидиаком. Эта особенность строения организма олимов нередко становится причиной различных преступлений против них.

При лечении олимов нужно помнить, что у них очень быстро возникает привыкание к любым препаратам на основе аспирина. Организм олимов хорошо откликается на лечение антибиотиками, побочных эффектов не отмечено. При содержании в стационаре следует обратить внимание на то, что присутствие в их рационе покрытосеменных растений может вызвать тяжелые отравления. Их следует ограничивать в сахаре, который также нередко становится причиной расстройства пищеварения. Хлебобулочные изделия олимами усваиваются легко. В качестве эффективного анестезирующего средства можно использовать

алкоголь, как в чистом виде, так и в виде готовых растворов.

Согласно международным договоренностям, при госпитализации олима, а так же в тех случаях, если к моменту прибытия врача он находится в бессознательном состоянии, представитель медицинского учреждения обязан составить акт осмотра рогов. Документ составляется в произвольной форме».

(Справочник корабельного врача 3118 г. AC&Gz. Русскоязычное издание. Глава 7, §13.)

При взгляде на Теплера Вайта возникало ощущение, что того всю жизнь кормили только гормонами. Ростом он превосходил археолога почти на голову, был в полтора раза шире в плечах, имел весомое, беззастенчиво выпяченное вперед брюшко и огромные, безразмерные щеки. Его толстенькие пальцы украшало несколько простеньких золотых печаток с различными драгоценными камнями и без, а также массивный платиновый парольный декодер для доступа к банковским счетам. Штука, стоящая примерно с половину орбитального катера – и при том совершенно ненужная, поскольку обычный процессорный браслет легко мог выполнять те же самые функции. Но самым поразительным оказался его костюм. Этот «известный коллекционер» и «знаток истории средних веков» напялил на себя самый настоящий бархатный пурпуан! И не просто пурпуан, а с золотыми пуговицами!

Возможно большинство торопящихся через главный зал людей и думали, что пухлый, как мыльный пузырь, мужчина одет всего лишь в бархатную куртку, но Рассольников достаточно разбирался в истории, чтобы отличить средневековый пурпуан от техногенной «косухи» или ранне-компьютерной «ветровки». Разумеется, из-под пурпуана выглядывала белая льняная камиза, застегнутая на горле деревянными пуговицами.

– Если он обошелся без золотых застежек, то деревянные заказал как минимум из сандала, – решил Рассольников.

От общепринятых в средние века толстых шерстяных колготок Теплер почему-то отказался в пользу широких шаровар, прикрепленных, впрочем, к нижнему краю пурпуана тонкой шелковой шнуровкой – как и положено.

– Это ты, что ли, Атлантида? – остановился толстяк напротив археолога.

– Я попрошу мне не тыкать, – сухо отрезал Платон. – Мы с вами воздух из одного загубника не дышали. Я, между прочим, дворянин в седьмом поколении, поэтому, обращаясь ко мне, потрудитесь добавлять «сэр»!

– Только не забывайте, что это я вас нанял, а не вы меня, – гулким басом пророкотал миллионер. – И в таком случае тоже обращайтесь ко мне на «сэр»!

У Рассольникова пропало всякое желание улетать. Он представил себе, что как минимум два месяца будет вынужден каждый день общаться с этим боровом, и говорить

ему «сэр», и дышать одним воздухом, пользоваться одной сантехникой, пить одну воду... Но он уже успел сдать свой нехитрый багаж, надавать обещаний Пикко и расстаться с цепкой, как леконский шестилапый койот, Джаритой. Девушка непременно желала отправиться с ним на край света, и только ссылки на Теплера, договор и один-единственный существующий билет помогли Атлантиде вернуть свободу. Засветись он в университете снова хоть на секунду – и обычным рейсом на Гею-Квадрус ему придется возвращаться вдвоем.

Во взгляде Теплера, которым тот окинул белоснежный костюм Рассольникова, особо задержавшись на приколоте в петлицу цветке кактуса и изящной тросточке, радости тоже не читалось. Скорее всего, миллионер прикидывал, не стоит ли ему вернуть билеты и взять другого проводника. Правда, багаж он тоже уже сдал, а время для двухмесячного отсутствия наверняка выкраивал в своем графике из денежных банкнот.

– Посадочный челнок ожидает Платона Рассольникова в семнадцатой камере, – неожиданно сообщил голос диспетчера.

– А почему меня? – удивился Платон.

– Если деньги вы тратите на себя, их нельзя списать с налогов, – презрительно приподняв верхнюю губу, пояснил Теплер Вайт, – а если их тратит на себя нанятый вами человек, то можно. Идемте на посадку... сэр.

Платон мысленно улыбнулся. Он понял, что Вайт тоже лишил себя возможности дать обратный ход. Что же, тогда прокатимся на личном миллионерском челноке, посмотрим, как живут земные богатеи.

– Благодарю за приглашение... сэр.

Челнок оказался не вылизанной и отлакированной обтекаемой каплей, как ожидал Рассольников, а изрядно обшарпанным, потрепанным грубым ромбом, огнезащитное покрытие которого местами выгорело до такой степени, что наружу торчали ветвистые термические волокна. Археолог даже притормозил, с изумлением оглянувшись на миллионера:

– Как вы летаете на таком лохматье? – на мгновение запнулся, но все-таки добавил. – Сэр Теплер...

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Это не мое, это с «Ягеля». Раз служба космопорта пропустила, значит безопасен. Сэр.

– С какого «Ягеля»? – с подозрением поинтересовался археолог. – На пассажирских кораблях челноки минимум на сорок человек рассчитаны, а этот максимум на четыре, сэр.

– Так «Ягель» транспортник, сэр. С Грина. Я снял на нем две каюты.

– На транспортнике? – Атлантида перевел взгляд на пошарканный челнок и начал понимать, что влип куда сильнее, чем ожидал. – А почему не на обычном, рейсовом, сэр? Они же вдвое быстрее летают!

– Каюта на транспортном корабле стоит почти вдвое де-

шевле, сэр. Да и внимания к себе привлечем меньше.

Почему-то именно на счет «дешевле» Атлантида и ожидал услышать. Он поколебался еще несколько мгновений, почти готовый вернуться в объятия Джариты, но в последний момент все-таки предпочел челнок – запрыгнул к нему на крышу и провалился вперед ногами в узкий люк. Адаптивное кресло плотно обняло тело, однако голова и ноги все-таки ошутимо уперлись в края противоперегрузочного ложа. Археолог вспомнил габариты Вайта и мстительно улыбнулся.

«Ягель» оказался самым настоящим крупнотоннажным транспортом. То есть, не тягачом, который один или вместе с однотипными кораблями цепляет крупную автономную «баржу» с грузом, доставляет к нужной звездной системе, бросает и перецепляется к другой «барже», не дожидаясь разгрузки-погрузки. Нет это был самый настоящий корабль огромных размеров с трюмами, единым корпусом и системой капсулированных выносных реакторов – прямо океанский корабль докомпьютерной эпохи.

Челнок воткнулся транспорту куда-то в корму, мелко задрожал, словно стряхивая усталость и затих. Атлантида вылез из кресла и оказался в светлом и широком и, но уж очень низком помещении. Рядом уже нетерпеливо подпрыгивал пилот простенького посадочного кораблика – ростом едва до плеча, с огромными черными глазами и длинной, острой, симпатичной мордочкой, покрытой гладкой корич-

невой шерстью. Голову пилота украшали короткие, сантиметров десять, раздваивающиеся рожки, между которыми белело маленькое овальное пятнышко. Остальное тело закрывал банальный комбинезон, склеенный из разноцветных элементов примерно одного тона. По всей видимости, или представители этой расы не различали цветов, или у них были очень странные представления о красоте.

– Пи-пи пии, пи пи-и, – коротко дернул мордочкой вверх пилот.

Атлантида отряхнул свой пиджак, поправил цветок в петлице, потом расстегнулся и тихонько постучал по надетой на ремень, рядом с пряжкой, бежевой пластине полилингвиста:

– Эй, проснись, работать пора.

– Задайте языки общения или продолжайте говорить несколько минут, чтобы прибор произвел настройку автоматически, – откликнулась пластина.

– Основной язык: Земля-русский, воспринимаемый – Грин-олимы, – археолог не очень доверял автонастройкам прибора.

– Вас понял, приступаю к работе.

– Пи-пи пии, пи пи-и, – повторил, дождавшись окончания манипуляций, рогатый пилот.

– Помогите обрести свободу своему секретарю, – посоветовал переводчик.

– Вот как, – обрадовался Атлантида, – так этот жмот зарегистрировался моим секретарем? Ну, я ему работу обеспечу.

Рассольников склонился над открытым люком. Широкоплечий Вайт нервно дергался из стороны в сторону, не в силах вытащить из-под себя руки.

– Ну и как вам путешествие по сниженным ценам, сэр Теплер? – не удержался от ехидства археолог.

– Узкие... блин... – пробурчал что-то неразборчивое миллионер.

– В таких случаях принято было говорить «блин горелый» – поправил его Атлантида, перехватил тросточку в зубы, опустил руки в люк, зацепил Вайта за плечи и напрягся, вырывая его из объятий кресла. Поначалу казалось, что толстяк засел в кресле намертво, но после нескольких рывков его тело поддалось. Миллионер сдвинулся немного вверх, выпростал руки и, опершись ими о край люка, выбрался наружу.

– Спасибо, сэр Платон, – тяжело дыша кивнул он.

– Не стоит, – небрежно махнул рукой Рассольников, – у нас четыре недели полета впереди. Еще благодаритесь.

Вайт, отдышавшись, встал на ноги, заставив малютку-олима с испуганным писком шарахнуться в сторону – и гулко стукнулся головой о потолок.

– Ничего страшного, – прокомментировал Атлантида, – зато поездка обойдется вдвое дешевле.

Теплер громко скрипнул зубами, но промолчал.

– Пи, пи, пи-пи-пи, – торопливо заговорил рогатый пилот.

– Через двадцать минут рождается подготовка к вылету, –

расшифровал его писк поясной переводчик. – Нужно быстро перемещаться в кабину управления космическим кораблем выбирать кресла тяжелые.

– Какие кресла? – простонал Вайт, массируя себе затылок. – Только в постель!

– Мне очень жаль вас огорчать, сэр Теплер, – мило улыбнулся Атлантида. – Но на «грузовиках», в отличие от пассажирских кораблей, нет избыточной мощности на реакторах, поэтому искусственную гравитацию на время разгонов и торможений приходится отключать. В кровати вас просто раздавит, сэр.

Вайт хмуро покосился на археолога, но отвечать не стал. Олим приглашающе пискнул и побежал вперед, указывая дорогу. Земляне торопливо пошли следом за ним.

Рубка оказалась недалеко. Полтора десятка мониторов и пультов, за которыми сидели космонавты планеты Грин. Платон обратил внимание на то, что большинство из них имели не простенькие раздвоенные рога, как у пилота челнока, а высокие, ветвистые. Наверное, пассажиров доставила на борт женщина.

– Пи-пи, – указала олимка (или олимиха?) на два ряда кресел, которые стояли вдоль стены и торопливо заняла место за одним из пультов.

В некоторых из кресел сидели олимпы, внимательно наблюдая за подготовкой к старту, но большинство сидений оставались свободными.

– Прямо зрительный зал на борту, – хмыкнул Атлантида. – Какое кресло нравится вам больше всего, сэр Теплер?

– Какая разница, сэр Платон? – отмахнулся миллионер и рухнул в ближайшее. Кресло издало жалобный хруст, но выдержало.

Археолог сел в соседнее, откинул голову на подголовник. Верхний край кресла упирался ему точно в основание черепа. Атлантида чертыхнулся, вскочил, нашел регулировку, выдвинул подголовник до упора вверх, снова сел. В новом положении затылок получил какую никакую опору, хотя и не очень удобную – верхний край подголовника находился на уровне середины головы. Рассольников покосился на Вайта и увидел, что у того мыслящий орган находится и вовсе на весу.

– Эй, сэр Теплер, поднимите подголовник, а то вам на старте мозги оторвет.

– Не поднимается, сэр Платон, – пожаловался миллионер.

– Как это не поднимается?! – Атлантида вскочил, нажал на регулировочный рычаг соседнего кресла. И правда – все регулировки находились в максимальном положении. Ну не рассчитывали олимские конструкторы сидения на таких рослых космонавтов!

– Эй, кто тут командир?! – выпрямился археолог. – Сделайте что-нибудь! А то ваш богатый пассажир старта не переживет.

– Пи! Пи! – самый рогатый из олимов громко запищал,

размахивая копытцами.

– Четыре минуты до начала разгона, – любезно перевел полилингвист.

– Четыре? – археолог метнулся к своему креслу, сел и то-ропливо пристегнул ремни.

– Пи-пи пи, пи!!! – на все голоса пищали члены команды.

– Прощайте, сэр Теплер, – участливо кивнул Атлантида.

Но тут один из олимов вскочил со своего кресла, подско-чил к шкафчику, распахнул дверцу, рывком сорвал ее с пет-ель, подбежал к Вайту, подсунул ее миллионеру под спину, так что часть дверцы выступала над слишком коротким под-головником и метнулся назад, за пульт.

– Неудобно, – заворочался толстяк. – Спину режет.

– Пи-и-и-и!!! – завопил в этот миг рогатый, мониторы по-лыхнули оранжевым и щеки Вайта мгновенно сползли на за-тылок. Полет начался.

Ускорение продолжалось двенадцать минут при четырех «g». За это время у Атлантиды совершенно занемел заты-лок, а у Теплера сползли к спинке не только щеки, но и все остальные рыхлости тела, отчего спереди он стал походить на олимпийского атлета. Правда бодрости спортивная внеш-ность ему отнюдь не добавила. После окончания разгона, пе-рехода в режим растянутого дискретного перехода и включе-ния искусственной гравитации, миллионер даже не шелох-нулся.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – Атлантида расстегнул

ремни и подошел к напарнику.

– Спасибо, сэр, очень плохо, – простонал в ответ Вайт. – Вы не поможете мне встать?

– Ничего не поделаешь, сэр Теплер, – протянул руку Рас-
сольников. – За все приходится платить. Или деньгами, или
своей шкурой.

То, насколько близки оказались его слова к истине, архео-
лог понял только после того, как толстяк поднялся и повер-
нулся к нему спиной: глубоко вдавленная в тело бархатная
куртка во всех мельчайших деталях сохранила силуэт двер-
цы – ребра жесткости, обломки петель, замок вместе с языч-
ками и скважинами.

– Я хочу в постель, – угрюмо прорычал миллионер. – Кто-
нибудь покажет мне мою каюту или нет?

Жилая палуба располагалась двумя этажами выше слу-
жебной, и добираться до нее пришлось по аварийному тра-
пу – в кабину лифта Вайт просто не влез. По счастью, хоть
каюты были сделаны с достаточным запасом: комнаты три
на шесть, с двухметровыми потолками, самыми настоящими
иллюминаторами, туалетом и умывальником с одним кра-
ном – горячая вода в списке удобств не предусматривалась.
Душевые в каютах отсутствовали. Как, впрочем, и на всей
жилой палубе – любовью к водным процедурам олимпы яв-
но не отличались. Габариты постели позволяли вытянуться
во весь рост – если предварительно согнуть ноги в коленях.
В противоположном от кровати углу стоял желтоватый стер-

жень «объемки».

– Спасибо, – Атлантида с трудом подавил в себе желание благодарно почесать сопровождавшую их олимку между рогов, улыбнулся Вайту и закрыл дверь.

Наконец-то можно спокойно развалиться, задрать ноги, и ни о чем не думать, неторопливо посасывая текилу и смотря какую-нибудь ерунду. Больше всего Атлантида любил научно-популярные фильмы по истории, и мистические триллеры... Впрочем, особой разницы между этими жанрами фантастики уловить обычно не удавалось.

Как и всякий нормальный человек, первым делом археолог принялся разыскивать бар. Над постелью, возле шкафа, рядом с умывальником и даже вокруг иллюминатора. Ничего. Ни холодильника, ни бара, ни ящика с бутылками, ни даже простого стакана. Вообще ничего! Создавалось ощущение, что олимпы пьют только воду из-под крана. По счастью, багаж Атлантиды не потерялся, а в нем всегда имелся аварийный запас из двух бутылок. Археолог откупорил одну, сделал большой глоток, приходя в себя, после чего извлек вешалку, повесил на нее в шкаф свой безупречно-белый пиджак, рядом перекинул через планку брюки. Потом с чистой совестью упал на кровать, глотнул из горлышка текилы и громко приказал:

– Включить объемный проектор! Архив фильмотеки!

Противоположный угол каюты исчез, вместо него появился покрытый множеством цветов зеленый луг, на заднем пла-

не шелестел высокий кустарник, да несколько стройных деревьев, похожих на пирамидальные тополя, врезались высоко в изумрудное небо. На фоне всего этого повисли стандартные риски с надписями. Вот только ни единого знакомого значка среди букв Атлантида не разглядел.

– Э-э, что-нибудь историческое, – распорядился он. Высыпался длинный список названий, и археолог наугад приказал: – Седьмой сверху.

В углу каюты образовалась мастерская. Под негромкое пение обнаженный до пояса, серый в яблоках олим с одним обломанным рогом вытачивал что-то над верстаком. В «объемке» хорошо показывалось, как косточки раздвоенного копыта расходились, чтобы ухватить нужный предмет, плотно сходились, зажимая инструменты с короткими плоскими рукоятями. Олим пел и работал, пел и работал... Работал, и пел... Через четверть часа сюжет начал Атлантиде надоедать. Возможно, конечно, в углу происходило нечто сакрально-эпохальное. Например, престарелый олим из собственного рога вытачивал рукоять к сыновьему мечу или украшение на свадьбу дочери, но легенды этой планеты археолог знал слабо, а из «объемки» ни единого слова пока не прозвучало. И даже половина перелившийся из бутылки в желудок текилы не смогла сделать фильм интереснее.

– Хватит! – не выдержал Рассольников. – Покажи-ка лучше какую-нибудь порнуху!

В углу не появилось ни единого названия.

– А эротику? А секс? Стриптиз?.. Мелодраму?! – не выдержал пассажир, глядя на пустой объем. – Что, даже мелодрамы нет? Ну, вы, ребята, пуритане! А просто романтическое кино?

Романтических фильмов в архиве космического транспортника также не значилось. С досады Платон осушил бутылку до конца и взялся за вторую.

– Так, а исторические фильмы с путешествиями и сражениями есть? О! – Рассольников уже не ожидал ответа, и появившийся список его несказанно обрадовал. – Третий сверху!

В углу появились заросли кустарника. По узкой тропинке сквозь заросли шло полтора десятка олимов, одетых в грубо тканые куртки, в длинные шаровары. Многие были опоясаны ремнями, с которых свисали некие странные предметы. Археолог хлебнул текилы и сосредоточился, ожидая развития событий.

Олимы шли через кустарник, время от времени поворачивая головы и прихватывая губами листву вместе с тонкими веточками. Жевали, потом снова срывали и снова жевали, жевали, срывали, срывали, жевали...

– Та-а-ак, – через десять минут не выдержал Атлантида. – А детективы в архиве есть? Пятый снизу.

На зеленой полянке лежало двое олимов. Они фыркали, катались с боку на бок, цапая ртом густую траву и тщательно ее пережевывая. Время от времени ложились на живот и ели

траву прямо перед собой.

— Что-нибудь из жанра кошмаров, — попросил Рассольников, с ужасом обнаружив, что и от второй бутылки осталось всего половина.

В углу двое олимов, одетых в бежевые пятнистые комбинезоны, внимательно разглядывали растение с шевелящимися листьями. Вот один из них откусил кусок листа и тщательно его прожевал, затем то же самое проделал второй.

— А фантастика в архиве есть? — Платон сломался на пятой минуте. — Десятая сверху.

Опять появились до изумления знакомые заросли кустарника, опять сквозь них пробирались, объедая окружающую листву полтора десятка олимов. Вот только одеты они были теперь не в тканые куртки, а в блестящие металлизированные комбинезоны.

Атлантида допил текилу, запустил пустой бутылкой в угол и с головой накрылся одеялом.

Утро принесло ощущение бодрости и легкого голода. Рассольников рывком откинул в сторону одеяло, вскочил на ноги, помахал руками, разгоняя кровь, ополоснул лицо под краном. Насущных потребностей в зеркалах обитатели планеты Грин, видимо, не испытывали, так что таковое в каюте отсутствовало. Немного покривлявшись перед иллюминатором, археолог нашел-таки положение, в котором смог достаточно ясно оценить свою внешность. Прическа за ночь не

растрепалась, рубашку он извлек из багажа свежую, а что во лбу звезда горит – так это только в одном положении. Если немного сдвинуться, она начинает сверкать вместо левого глаза.

Атлантида накинул пиджак, освежил цветок кактуса и вышел в коридор.

Теперь предстояло составить план действий на время путешествия. В его обычных увлечениях на первом месте стояла текила, на втором – «объемка», а на третьем – женщины. Еще ему нравилась умная беседа, но таковая получалась только с опытными историками, а из историков на борту находился он один. Разумеется, можно было попытаться развлечь кого-нибудь из милых олимочек рассказами о своих путешествиях, но вот только эти очаровательные космонавтки вызывали у него желание почесать им за ушком или между раздвоенных рожков – и ничего более. На роль женщин они явно не тянули. «Объемку» вчера он успел освоить то полного желудочного отторжения и из всех доступных методик время проведения оставалась только одна – текила. Причем, насколько он помнил условия договора, этим животельным напитком его должен был обеспечить заказчик. Теплер Вайт.

Атлантида вежливо постучал в дверь соседней каюты: – Вы позволите? – он распахнул дверь и вошел внутрь.

Первое, что Рассольников увидел, это обломки кровати, раскиданные по каюте. Второе – разложенные в углу по-

стельные принадлежности.

– Если вы произнесете хоть слово, сэр Платон, – угрюмо предупредил сидящий у стенки толстяк, – я ударю вас по голове.

– Извините, – кивнул археолог и отступил обратно в коридор, где схватился за живот и тихо сполз по стенке. Если уж он был вынужден спать скорчившись, то каково пришлось миллионеру, с его ростом и комплекцией! Жаль, он не видел, как под этим жмотом, решившем сэкономить на билетах, рассыпается хрупкая олимовская постель!

Однако смех смехом, а дела делами. Придя в себя, Атлантида снова постучал в дверь каюты и вошел внутрь:

– Вы не подскажете, сколько дней продлится путешествие на этой колымаге, сэр Теплер?

– Двадцать четыре, – поморщился Вайт. Все эти двадцать четыре дня ему предстояло спать в углу, как домашней собачонке и ходить, склонив голову, чтобы не биться ею о потолок.

– Насколько я помню условия нашего договора, сэр Теплер, – не удержался от улыбки археолог, – вы обязаны все это время обеспечивать меня едой и выпивкой.

– Сколько угодно, – не понял всей глубины вопроса миллионер. – Берите все, что хотите, в здешнем буфете, сэр Платон, а сумму расходов пусть поставят в счет.

– Простите, сэр, – на этот раз Платону стало не до улыбок, – а где вы слышали про буфеты на коммерческих транс-

портниках? Вы вообще подумали, что собираетесь есть на борту?

– Ну, кухня здесь в любом случае быть должна, – не очень уверенно ответил Вайт.

– Сэр! – со злостью напомнил Рассольников. – А если эти разумные косули только сеном и мхом питаются, вы что делать станете, сэр Теплер? Травку жевать? Или кого-нибудь из экипажа пристукните и шашлык над костром зажарите? Вы хоть поинтересовались, что они едят, когда каюты снимали?

– Раз продали билеты, должны были позаботиться и о еде для нас, сэр, – попытался оправдаться толстяк.

– А зачем? Они их вдвое дешевле продали. Зато без «пансиона», – Атлантида покачал головой. – Ну что вы сидите, сэр Теплер? Вставайте, пойдем искать пищеблок.

Коридоры жилой палубы пустовали. Немного поблуждав среди одинаковых дверей, компаньоны спустились по аварийному трапу ниже этажом, и Атлантида наострил нос:

– О! Свежим сеном пахнет! Убей меня кошка задом, если там не кормушка для туземцев.

Пара поворотов, и через широко открытую дверь люди вошли в корабельную кают-компанию. Здесь заканчивался завтрак: пол тут и там усыпали пучки травы и отдельные зеленые листочки, мятые пластиковые стаканы. Несколько олимов вышли навстречу, а еще несколько приканчивали свою пайку, сидя за столами. В стандартный завтрак космонавта входил большой проволочный цилиндр, плотно наби-

тый ароматной сушеной травой – олимпы засовывали морды внутрь, прихватывая мягкими губами ароматные пучки и тщательно их пережевывали; и высокий пластиковый стакан полный какого-то зерна, смешанного с натуральным горохом – не отличить. Олимпы время от времени засыпали себе в рот из стакана «пару глотков» и перемалывали их челюстями с убийственным скрежетом.

– Так я и знал, – кивнул Атлантида. – Вы что больше предпочитаете, сэр Теплер, сушеную люцерну или свежеевымолотый овес?

– Бифштекс с кровью, сэр.

– Я тоже, – согласился археолог, – но боюсь, сэр, что употребление в пищу опытного моториста или пилота может пагубно отразиться на нашей дальнейшей судьбе. Ладно, пойду, попробую разговорить вон ту милую блондинку.

Олимка с двумя большими белыми пятнами на загривке стояла перед пультом в углу, задумчиво поводя острыми ушами и шевеля губами. Ее раздвоенные рожки обвивали у основания черные ободки, а бездонность больших черных глаз подчеркивалась рыжей полосой лежащего поперек остальной шерсти меха.

– Вы не поможете выжить двум уставшим от переживаний путешественникам, прекрасная леди?

Переводчик восторженно запищал, и Атлантида увидел, как раковины ушей повернулись в его сторону.

– Я сейчас отойду, – перевел полилингвист ее ответ.

– Ни в коем случае! – вскинул руки археолог. – Самим нам с этой аппаратурой ни в жизнь не разобраться! Мы умрем с голода раньше, чем...

– Плачу пять оболгов, – вмешался в разговор подошедший Вайт, – закажите нам какое-нибудь жаркое.

Олимка вскинула черный носик, возмущенно пискнула и пошла в сторону.

– Скажите, сэр Теплер, – задумчиво пробормотал Атлантида, – а как вы отреагируете, если вам предложат на завтрак человеческую ногу и дюжину парикмахерских ушей, стуженных в собственном соку?

– Почему именно «парикмахерских», сэр? – не понял миллионер.

– А вы что, предпочитаете уши бухгалтеров, сэр?

– Какую мерзость вы говорите, сэр Платон! – возмутился Вайт.

– Не нравится? – поморщился археолог. – Тогда не забывайте, что мы находимся среди вегетарианцев, сэр. Олимы травоядные, а насколько я знаю историю, вокруг стад травоядных всегда обитают хищники. Олимов наверняка кто-то кушал на протяжении всей их истории, и они могут очень нервно отреагировать на намеки типа «бефстроганов».

– Что же нам теперь, голодными сидеть, сэр Платон?

– Если в их меню нет щавеля или хотя бы петрушки – то да, сэр.

– А хлеб у них есть, сэр? Самый обычный, простой хлеб?

По счастью, поясной лингвист исправно переводил в писк все их пререкания. Один из космонавтов, закончив еду, подошел ближе и постучал Вайта по поясу:

– Хлеб?

– Хлеб, хлеб, – закивал миллионер.

Олим махнул рукой, зовя их за собой. Они обошли вокруг всего корабля и остановились возле медицинского отсека, которые пахнут одинаково на всех кораблях вселенной.

– Хлеб, – указал олим на дверь и отправился по своим делам.

– Здесь? – не поверил Вайт.

– Ну разумеется, сэр, – махнул рукой Атлантида. – Хлеб! Лакомство для больных. Конечно, здесь есть хлеб. Идите, сэр, пропитание лежит на вашей совести.

Миллионер вошел в медотсек, и спустя пару минут вышел, красный от ярости, но с батоном хлеба под мышкой:

– Двадцать пять оболов! Да за эти деньги его самого можно целиком на вертеле зажарить!

– А чем они раны обеззараживают, вы не спросили, сэр? – с надеждой поинтересовался археолог.

– Хлоргексидином, сэр, – отрезал толстяк, и Атлантида понял, что спирта за дверью нет.

Они тут же по-братски разделили буханку – разломали пополам, и Вайт немедленно спрятался в своей каюте. Видимо, перспектива кормить компаньона хлебом по двадцать пять за буханку ему не понравилась, и он опасался, что Атланти-

да попросит добавки. Впрочем, Платону и самому мало нравилась перспектива двадцать четыре дня питаться одним и тем же, и он решил принять меры... Тем более, что больше делать на борту все равно больше нечего

Прежде всего, Рассольников занялся изготовлением теплостойкой посуды. Пластиковые стаканчики, которыми пользовались олимпы, для приготовления человеческой пищи не годились – плавились при высокой температуре. Платон раскрыл клинок альпенштока, после чего взял бутылку из-под текилы, вытряс себе в рот последние драгоценные капли, а потом уложил ее на нижнюю, острую грань клинка и несколько раз с силой провернул. На стекле осталась глубокая борозда. Теперь осталось обмотать нижнюю часть бутылки краем одеяла, открыть дверь и с силой стукнуть горлышком об угол косяка:

Бззин-нь!

– Так, один стакан готов, – с удовлетворением кивнул Атлантида, и громко крикнул: – Уборщика в коридор!

Поясной переводчик продублировал приказ на писклявом олимовском языке, а пока коробка автоматического пылесоса доползла до дверей каюты, Рассольников успел сделать из второй бутылки близнеца первому стакану. Емкости для кипячения воды готовы. Из походных припасов Платон извлек небольшую плоскую флягу с неприкосновенным запасом, быстро перелил содержимое себе в рот – а что делать, если чрезвычайное положение уже настало? – и наполнил ее

из-под крана. Теперь оставался всего один пустяк: найти тепло.

Первым делом Атлантида отправился в кают-компанию. Здесь после завтрака уже успели прибраться. Пол сверкал изумрудной чистотой, стены приятно пахли сельдереем, а столы и стулья – хлоркой. По счастью, возле пульта обнаружился высокий белый – ни единого пятнышка – олим с ветвистыми рогами, на одном из которых было обломано несколько кончиков.

– Простите за беспокойство, – заторопился Платон, пока последний из космонавтов не отправился по делам. – Вы не подскажите, как мне получить еду?

Олим недоуменно приоткрыл рот, показав ровные желтые зубы, потом ухватил копытцем выступающий сбоку рычажок и коротко качнул им из стороны в сторону. Послышалось жужжание, и из окошка в стене на стол рядом с пультом выкатились проволочная упаковка с сеном и закрытый плотной крышкой пластиковый стаканчик с горохово-зерновой смесью.

– О, как хорошо, – археолог тут же спрятал стаканчик в карман. – Вы не могли бы помочь мне еще в одном вопросе?

Олим немного склонил голову и вопросительно наострил уши.

– Вы не подскажете, как бы я мог, – Атлантида поставил на столик самодельный стакан и налил в него воды из фляги: – Как бы я мог все это вскипятить?

Космонавт недоуменно покрутил головой и встопорщил шерсть возле носа.

— Ну, вскипятить, — попытался объяснить археолог, активно помогая себе жестикуляцией. — Кипеть, буль-буль-буль. Превратить в пар.

— А, в пар, — наконец-то понял олим. — Идемте, я вам помогу.

Обрадованный Платон подхватил стакан и устремился следом за рогатым доброжелателем. Через пару минут они пришли в какую-то лабораторию, уставленную множеством похожих на электронные микроскопы стоек, освещенную мигающими под высоким потолком фиолетовыми лампочками. На полках вдоль стен лежали приборы непонятной формы. Олим привычным жестом подхватил один из них, надел его на левое копытце наподобие перчатки, а правым указал на одну из стоек:

— Пи-ю.

— Поместите сюда, — объяснил полилингвист.

Атлантида поставил стакан с водой на выпирающую из стойки площадку. Олим вытянул руку:

Пух! — промелькнула синяя искра, и вода из стакана исчезла.

— А-а, — растерялся археолог, — а нельзя ли сделать это помедленнее?

Он долил в стакан остатки воды.

— Никуда не торопясь, медленно превращать воду в пар...

Хорошо?

Олим недоуменно приоткрыл рот, потом согласно кивнул. Он неторопливо покачался из стороны в сторону, разводя руками, поднял мордочку кверху, покружился по комнате – потом вытянул свое устройство:

Пух! – и вода исчезла.

– Вы хотели этого? – вежливо пропищал космонавт.

– Да, спасибо, – как можно вежливее улыбнулся Атлантида. – Я вам очень благодарен.

Выйдя из лаборатории, он заглянул к себе в каюту, набрал во флягу еще воды, а потом вернулся в кают-компанию. На этот раз здесь никого не оказалось, и археолог смог детально исследовать помещение. Если не принимать во внимание пульт со множеством рычажков и несколькими крупными кнопками, то никаких приборов, пищевых синтезаторов или простеньких кипяtilьников обнаружить не удалось. Складывалось впечатление, что все оборудование корабельной столовой состояло из транспортера, который по команде от рычажка подавал откуда-то со склада очередную порцию сена и зерна. Просто свиноферма какая-то, а не столовая!

Атлантида попытался наугад понажимать на прочие рычажки и кнопки, но никакой реакции не последовало. Даже сигнала об ошибочной команде. Рассольников махнул рукой и отправился дальше.

Вторым известным ему на корабле местом был медотсек. Платон вежливо постучался, вошел и столкнулся с недоволь-

ным взглядом одетой в белый комбинезон олимки, с помощью ножа и вилки кромсающей на лабораторном столике серую крысу. В первый момент Атлантида даже решил, что она обедает, но вовремя заметил на морде марлевую повязку и успел задавить пожелание «Приятного аппетита!» еще до того, как оно вырвалось из горла.

– Извините, я вижу, вы работаете?

Олимка кивнула.

– Скажите, а как вы дезинфицируете свой инструмент?

– В камере.

– А кипячением не пользуетесь?

– Повторите... – космонавтка с непониманием воззрилась на поясной переводчик Рассольникова.

– Ну, кипячением, – и археолог безнадежным тоном добавил: – Буль-буль-буль.

– Дезакционный парогенератор имеется на моторной палубе, – олимка отложила вилку и нож и с тревогой поинтересовалась: – Кто получил облучение?

– Да никто! – разозлился Атлантида, достал флягу, наполнил самодельный стеклянный стакан и поставил его рядом с крысой. – Я хочу вот это продезинфицировать.

Олимка молча взяла стакан, выплеснула воду в раковину под столиком, поставила в камеру над столиком и нажала большую красную кнопку. Сквозь щели пробились отблески ослепительно-голубой вспышки, дверца открылась. Космонавтка достала стакан и протянула его пассажиру:

– Стерильно.

– Нет, – замотал руками Атлантида, снова наливая воду. – Не стакан, а вот ее, именно ее продезинфицировать!

– Понятно, – с явным облегчением кивнула рогатая медичка, открыла ближний шкафчик, прихватила копытцем несколько шариков из объемного ящика и кинула их в стакан. – Вот, все в порядке. Можете обтирать этим предметы и поверхность тела. Только не допускайте попадания вовнутрь.

От воды ощутимо запахло хлоркой.

– Спасибо, – улыбнулся археолог, вышел из кабинета и выплеснул воду на пол: в целях дезинфекции.

Однако кое-какую пользу визит в медицинский отсек принес: теперь Атлантида точно знал, что где-то на моторной палубе существует дезакционный парогенератор. Оставалось эту самую моторную палубу найти.

Как истинный исследователь, Рассольников начал вести поиски планомерно, никуда не торопясь, но и не отвлекаясь на посторонние вещи. Спустился по аварийному трапу в самый низ и начал обход нижней палубы по кольцевому коридору. Больше всего здешние катакомбы напоминали пространство под фальшполом: тут висели связки проводов, соединяющие между собой некие установленные выше устройства, тянулись трубы, шланги, то и дело встречались сетки, огораживающие отдельные люки или целые секции. Никаких служебных или жилых помещений Платон здесь найти

не смог и поднялся выше этажом.

Служебная палуба. Знакомое место: справа помещение посадки на четырехместный орбитальный челнок, слева рубка управления кораблем. Сквозь приоткрытую дверь было видно, как дежурный пилот играет в мяч, подбрасывая его над головой и попеременно отбивая в воздух то левым, то правым копытом. Атлантида отогнал от себя мысли о том, что будет, если мяч случайно упадет на клавишу включения реверса или экстренного разгона и побрел по кольцевому коридору. Двери, двери, двери – из-за одних доносились звуки заунывного пения, из-за других равномерные постукивания или писк разговора. Только в одном месте археолог наткнулся на широкие сдвижные створки, раскрашенные в частую полосу. Он прислушался к тому, что происходит по ту сторону, вежливо постучал и потянул руку к большой клавише на стене.

– Пиюи! – послышалось из-за спины.

– Зачем вы тут присутствуете? – добросовестно перевел полилингвист.

– Корабль осматриваю, – оглянулся Рассольников и увидел уже знакомого белого олима.

– Только не прикасайтесь кнопка эта, – предупредил космонавт. – Здесь находится спасательный катер. Если открыть дверь, прозвучит общий сигнал тревоги и команда приготовится к эвакуации торопливо.

– На всю команду рассчитан? – отдернул руку Атлантида.

– Нет, на половину, – вежливо ответил олим. – Таких катеров на корабле два.

– А вы не подскажите, где находится моторная палуба?

– Пять-два выше.

– Спасибо, – археолог последний раз оглянулся на створки дверей спасательного катера и пошел от него подальше.

«Пять-два» во фразе белого олима по всей видимости означало, что моторная палуба находится на пятом уровне, но широкая, как две обычных. Поначалу никакого особого отличия моторной палубы от прочих Атлантида не заметил. Ну, потолки повыше, да кольцевой коридор вдоль внешней стены идет. Платон описал почти полный круг вокруг корабля, прежде чем наткнулся на лесенку, уходящую к открытому на высоте трех метров люку. Не мудрствуя лукаво, Атлантида запихал тросточку себе за спину, за пояс брюк, и полез туда.

Диаметр отверстия и уходящей от него трубы только-только позволял протиснуться одному человеку, но археолог не отступил. Он карабкался вперед метр за метром, в сгущающуюся тьму, пока не уткнулся головой во что-то мягкое. Послышался испуганный писк.

– Ой-е-ей, – бесстрастно перевел полилингвист.

Атлантида ощутил снизу жесткий, болезненный удар в подбородок и торопливо попятился:

– Кто здесь?

– Пи-и, пю пи...

– Это я, моторист Пюпи, – перетолмачил ответ лингвист.

В свете тусклой лампочки, горящей где-то в переплетении трубопроводов блеснули темные глаза.

– Очень раз познакомиться, – кивнул Атлантида, пытаясь разглядеть, куда это он заполз.

– Вы заблудились? – корректно поинтересовался моторист Пюпи.

– Я ищу парогенератор.

– А кто получил облучение? – последовал стандартный вопрос.

– Вот, – изогнулся Атлантида и вытащил из кармана самодельный стакан.

Моторист тоже изогнулся, прочертив острием рога возле самых глаз пассажира, извлек продолговатую капсулу и ткнул ею в стекло. Покачал рогами:

– Уровень радиации находится в пределах допустимых норм, – медленно и вдумчиво перевел его короткий писк полилингвист, и после паузы добавил: – Использовалось жаргонное слово.

– А все равно, – махнул рукой археолог, – давай почи-
стим?

– В малой камере, – предложил Пюпи.

– Да хоть в кастрюле, – согласился Атлантида.

Малая камера парогенератора оказалась возле двери лифта, под одной из множества одинаковых декоративных панелей. Платон поставил внутрь стакан, Пюпи закрыл дверцу и

ткнул копытом в переключатель. Спустя пару минут дверца сама открылась. Стакан стоял внутри, весь запотевший и горячий.

– Секундочку, – археолог достал флягу и наполнил стакан водой. – А еще разик?

Пара минут, и распахнутая дверца продемонстрировала стакан, кипение в котором постепенно затухало.

– И последняя попытка! – Атлантида извлек на свет горохово-зерновую смесь, и наполнил стакан с кипятком примерно на треть. – Запускаем!

– Так поступать нельзя! – оживился моторист. – Вареное зерно есть запрещается. В нем витаминов мало и зубы без нагрузки разрушаются. Сейчас, я давление повышу... К тому же от горячей пищи нюх портится.

– У меня зубы другие! – Рассольников звонко щелкнул клыками.

– Зубы у всех одинаковые, – Пюпи в ответ продемонстрировал желтые резцы. – При трех поверхностных сейчас готово быстро.

Если «три поверхностных» означали три атмосферы, то каша должна свариться минуты за две – прикинул Платон, и словно в ответ на его слова дверца парогенератора открылась. По коридоры расплылся соблазнительный аромат.

– Попробуешь? – предложил Рассольников.

– Горячее нельзя, – олим засунул нос в самый стакан. – Нюх испортить можно...

Пюпи решительно перехватил горячий стакан раздвоенным копытцем, отсыпал немного каши на поверхность сомкнутого копыта другой руки, немножко выждал, давая ей остыть, и слизнул длинным красным языком.

— Ну как? — с завистью поинтересовался успевший проглотиться археолог. У него на руках не имелось толстых костяных копыт, и схватить горячий стакан руками или высыпать на ладонь исходящую паром кашу он не мог.

— Соли мало.

— А где ее взять?

— В кормушке.

— В кают-компании, что ли?

— Вы употребили слово-аналог, — сварливо пожаловался поясной переводчик.

— У меня есть в аллимгаторне⁶, — вспомнил моторист и убежал.

Когда он вернулся, каша успела немного остыть. Рассольников отсыпал себе на ладонь примерно половину, посолил из предложенного пакетика и с аппетитом съел. Получилось, вроде, неплохо.

— Ну, еще по одной?

На этот раз они заправили смесью два стакана, сварили, после чего уселись рядышком на пол и принялись с наслаждением объедаться редкостным для обоих деликатесом.

⁶ Инструментальная кладовая, которая может использоваться для отдыха спецперсонала.

– Обязательно запишу рецепт для своего синтезатора, – пообещал себе Атлантида, и понял, что двадцатичетырехдневный полет он как-нибудь перенесет.

– Вы здесь, сэр Платон? – после вежливого стука дверь приотворилась.

– В общем, да, сэр, – сладко потянулся в постели Атлантида.

– Вы на меня не обижаетесь, сэр? – Вайт вошел в каюту и, за неимением кресел, стульев, или иной мебели прислонился к стенному шкафу. Рассольникову показалось, что за минувшие сутки миллионер успел немного похудеть.

– За что, помилуй бог, сэр Теплер? – настроение археолога было великолепным.

– Вы вчера не пришли ни обедать, ни ужинать, сэр. Сегодня на завтрак не явились.

– Я просто проспал, сэр Теплер. Нижайше прошу прощения.

Атлантида вскочил, привычным потягиванием разогнал кровь в теле, ополоснул под душем лицо. Пиджак после вчерашнего приключения немного помялся, зато археолог извлек из герметичной пластиковой коробочки свежий цветок кактуса и вставил его в петлицу.

– Я к вашим услугам, сэр!

– Пожалуйста, – Вайт открыл ему дверь, но вышел в нее первым.

– Вам не кажется, – оглянувшись он на Атлантиду, – что на корабле происходит нечто странное?

– Пока ничего особенного не вижу, – пожал плечами Атлантида, перешагивая порог каюты.

– Сейчас, – зловеще пообещал толстяк, подходя к аварийному лазу, – сами увидите.

По кольцевому коридору компаньоны дошли до медицинского отсека. Вайт постучал, вошел внутрь, оставив дверь открытой. Сквозь щель Платон заметил, что лабораторный столик исчез, дезинфицирующий прибор над столом закрыт большим металлическим щитом, а сквозь ручки нижних ящиков продет длинный стальной стержень.

– Вы видите, и тут тоже, – заговорщицким шепотом сказал Вайт, выходя из отсека и разламывая хлеб пополам.

– Медичка порядок наводит, ну и что? – не очень понял археолог.

– Это еще что, – кивнул миллионер, протягивая Рассольникову его половину батона. – А что на служебной палубе творится...

Заинтересованный Атлантида спустился еще на один уровень, прошел по коридору, и первое, на что обратил внимание: клавиши открывания створок аварийного катера оказались закрыты толстыми металлическими накладками. Рассольников вскинул брови, но промолчал. Однако когда они дошли до пульта управления, то из уст его вырвался невольный возглас изумления: десяток олимов с деловитой тороп-

ливостью брали из лежащей посреди зала стопки толстые листы, и закрывали ими пульта управления, мониторы, индикаторные панели, шкафы – причем каждый лист крепко-накрепко затягивался на своем месте металлокерамическими болтами.

– Ну и как вам это, сэр? – торжествующе произнес толстяк.

– Уверен, этому есть простое и разумное объяснение, сэр Теплер, – растерянно ответил Рассольников и шагнул к ближайшему из олимов: – Что вы делаете с рубкой?

– Пию, пя-пя.

– Завтра неперево́димый местный термин, – сообщил поясной переводчик.

– Какой термин?

– Неперево́димый, – с готовностью ответил полилингвист. – То есть, не имеющий аналогов в русском языке, планета Земля.

– Ну и как, сэр?

– Ничего особенного, сэр Теплер, – пожал плечами Атлантида. – Просто завтра здесь будет какой-то местный термин. Возможно, и нам удастся поучаствовать.

– А вы уверены, сэр, что они не собираются переделать свой корабль в пиратский?

– Ну какие пираты, сэр? – разочарованно потянул археолог, поворачивая к лестнице. – Вы насмотрелись глупых «объемок»! Одиннадцатый век на дворе, какие могут быть

пираты в наше время?

Атлантида зашел в кают-компанию, уверенным движением боковой клавиши вытряхнул себе порцию сена и зерновой смеси. Смесь опустил в карман, сено оставил лежать на столе.

– Сейчас, сэр, мы зайдем еще в одно место. Посмотрим, что ответит мне мой друг Пюпи.

Моторист с не меньшим воодушевлением, чем олимпы на нижних ярусах, заклепывал подряд все палубные люки и дверцы. По счастью, заделать дверцу парогенератора он еще не успел.

– Что происходит, Пюпи? – окликнул космонавта Платон, приготавливая стаканы со смесью. – Воров боишься?

– Пию, пя-пя, – весело откликнулся олим.

– Завтра непереводаемый местный термин, – повторился переводчик.

– И что это будет?

– Пя-пя, пя-пя, – моторист заделал очередную дверцу и придвинулся ближе. – Яп юя, пяю пя па пя.

– Термин-термин, – заторопился полилингвист, – а вы эти дни лучше из кают не выходите. Парогенератор я потом в первую очередь открою, если со мной ничего не случится.

– Во-во, сэр, – прошептал Вайт. – Явно нападение готовят. Иначе что с ним может на корабле случиться?

– А что с тобой может случиться? – Атлантида достал горячие стаканы, один взял себе, другой протянул миллионеру.

– Термин может случиться всякое, – покачал рогами Пюпи.

Приготовления к таинственному термину продолжались весь день, заставляя пассажиров нервничать от неведения. В напряженной обстановке Вайт, похоже, так и не понял, что его трижды вместо пустого хлеба накормили ароматной кашей. Он просто молча поглощал, что дают и опасливо косился на членов команды. Олимы, в свою очередь, по мере приближения вечера проявляли все большее раздражение, грубость и сразу после ужина земляне предпочли разойтись по каютам.

Платон завалился на койку, запустил объемку и несколько минут с надеждой искал хоть что-нибудь, пригодное к просмотру. Потом порылся в багаже – хотя и знал, что весь аварийный запас текилы уже использован от начала и до конца. Под конец, от безысходной тоски, он активировал псевдоэкран своего браслета и начал пролистывать забитую в память информацию, в надежде дать пищу скучающему разуму. Увы, все эти архивы, пометки, фотографии, описания, энциклопедии уже давным-давно успели ему приесться, и хранились всего лишь на случай внезапного приступа склероза. Часа через два Атлантида сжалился над аккумулятором и перевел компьютер в пассивный режим. Аккумуляторы не бесконечны, а час работы экрана съедает столько же энергии, сколько неделя обычного режима. Этак за пару лет батареи в ноль можно посадить.

В конце концов Платон Рассольников по прозвищу Атлантида поступил так, как поступали в подобной ситуации все его предки на протяжении последних четырех тысяч лет — накрылся одеялом с головой и попытался уснуть⁷.

⁷ До изобретения одеял представители рода *Homo sapiens* в подобной ситуации укрывались шкурами.

Глава третья

Катер

«Среди обитателей планет, колонизируемых землянами, случаются очень интересные случаи острого психического расстройства, называемого l'amour или, в просторечии, любовь. Заболевание сопровождается внезапным повышением кровяного давления, ускоренным сердцебиением. Нередко больные жалуются на трудности с дыханием и боли в висках, нарушение сна. При этом резко изменяется психика и поведение пострадавшего: он неадекватно воспринимает реальность, склонен преувеличивать или преуменьшать значение различных событий, в значительной степени изменяется самооценка больного. Он начинает совершать немотивированные поступки, страдает приступами беспричинной эйфории или депрессии, иногда проявляет повышенную агрессивность. В большинстве случаев круг интересов заболевшего сужается на одиночном представителе противоположного пола, причем внятно объяснить причину своего внимания именно к данной личности больной не в состоянии.

Мы неоднократно предлагали землянам помощь в выявлении причин этого заболевания, поиске методов его излечения, но каждый раз натыкались на стену непонимания. В первую очередь это связано с тем, что сопровождающие

*болезнь приступы эйфории зачастую делают состояние «l'amor» приятным для больного и привлекательным для окружающих. Заболевание прочно вошло в культуру и социальную организацию землян, болеть «l'amor'ом» считается престижным, безопасным. Заболевание стало обязательным условием для заключения парных союзов разнополых землян с целью совместного ведения хозяйства и воспитания детей. Все вместе взятое привело к многочисленным случаям симуляции болезни, что крайне затрудняет выявление случаев истинного психического расстройства и путей его распространения.
(фрагмент лекции профессора Сюпи на конференции психотерапевтов в Моху, планета Грин. 1057 год космической эры)*

- А-а? – в ответ на стук Атлантида сонно приоткрыл глаза, но Вайт вошел в каюту не дожидаясь разрешения.
- У вас есть оружие, сэр? – шепотом поинтересовался миллионер, плотно прикрывая дверь.
- Сколько сейчас времени? – поморщился Платон.
- Я только что слышал выстрелы, сэр! – округлил глаза Теплер. – Самые настоящие, как в объемке!
- Кто-нибудь скажет, сколько времени?! – повысил голос Рассольников.
- Шесть часов, двадцать девять минут, – откликнулся браслет.
- Шесть часов, тридцать одна минута, – поправил поли-

лингвист, и продублировал ответ на языке олимов.

– А гарантировали точность хода в две секунды на миллион лет, – разочарованно вздохнул Атлантида.

– Вы что, меня не слышите, сэр?! – в полный голос повторил Вайт. – На корабле стреляют!

– Этого не может быть, сэр, – Рассольников понял, что досмотреть сон про клады Немерии ему не дадут, откинул одеяло и направился к умывальнику. – Мирный торговый корабль в открытом космосе, который не совершал никаких маневров последние трое суток. Кто и в кого тут будет стрелять?

– Но я слышал, сэр! – возмутился миллионер. – Своими собственными ушами!

– Что вы слышали, сэр? – Атлантида вытер лицо и начал одеваться.

– Выстрелы, сэр! – взревел Теплер.

– Какие?

– Обыкновенные!

– Не скажите, сэр, – Платон накинул на плечи пиджак, – обыкновенных выстрелов не бывает. Если стрелять из разрядника, то звук будет «хрусь-хрусь», если из бластера, то «фиу-фиу», если из огнестрельного, то «бах-бах», а если из излучателя, то «тук-тук». Что именно слышали вы?

– Скорее, «тук-тук», сэр, – после некоторого размышления решил миллионер.

– Тогда вам померещилось, – уверенно подвел черту Ат-

лантида, поправляя перед иллюминатором слегка увядший в петлице цветок. — У олимов нет излучателей. Это исключительно мирная раса. Они до сих пор считают пулемет оружием массового поражения, а единственный в их истории случай неуправляемой ядерной реакции стоил им двух орбитальных станций и одного околопланетного корабля. Можете сами почитать, про это во всех энциклопедиях написано.

— А что тогда грохотало в коридоре, сэр?

— Не знаю, — пожал плечами Рассольников, подхватывая свою неизменную трость. — Может, ремонтировали что-то? Ладно, сэр Теплер, раз уж вы поднялись в такую рань, пойдемте завтракать. Может быть, Пюпи еще спит, и нам удастся незаметно попользоваться его парогенератором.

Путешественники покинули каюту, спустились палубой ниже и вскоре оказались в кают-компании. Здесь их ждал первый сюрприз: приборную панель раздатчика фуража закрывала большая и толстая стальная плита.

— Вот так да, — присвистнул Рассольников. — А кушать?

— Давайте отломаем ее, сэр Платон, и дело с концом, — предложил Вайт. — А то что-то есть охота.

— Неудобно как-то, сэр Теплер. Мы здесь все-таки гости. Негоже ломать все подряд.

— Ерунда, — отмахнулся Вайт. — Пусть поставят ее стоимость в счет, и я потом оплачу. У меня вся гражданская ответственность застрахована.

— Не будем торопиться, сэр, — остановил его Рассольни-

ков. – Возможно, есть более простой путь. Кажется, сюда кто-то идет.

И правда, спустя несколько секунд в дверях кают-компании показался невысокий, серый в яблоках олим с черными ветвистыми рогами. На космонавте почему-то не имелось ни клочка одежды, но археолог решил не обращать на это внимания – у каждой расы свои обычаи, и далеко не все считают обязательным покрывать свое тело тряпками.

– Простите, уважаемый, – как можно вежливее обратился Атлантида, – вы не подскажете, как можно открыть эту панель и заказать себе завтрак?

– У-у!!! – вскинул олим морду к потолку, а потом опустил голову и помчался вперед.

– Непереводимый местный фольклор, – невозмутимо сообщил полилингвист.

– О, е... – только и успел сказать археолог, вскидывая руки перед собой. Он ощутил резкую боль в груди, рухнул на спину и на несколько секунд потерял сознание. А когда пришел в себя, взбесившийся космонавт стоял над ним и торжествующе выл на одной протяжной ноте.

«Сейчас добьет», – понял Атлантида, и закрутил головой в поисках трости.

Однако олим не стал топтать поверженного противника, а повернулся в сторону миллионера и ринулся на него.

– Обойдешься, – мрачно сообщил двухметровый толстяк, внутренне готовый к подобному раскладу, поймал космонав-

та за правый рог, качнулся в сторону и со всего размаха вписал сумасшедшего члена экипажа головой в стену. Послышался оглушающий треск. Рога олима выдержали, а вот переборка – нет, и теперь бедолага намертво застрял по самую макушку в глянцевой обшивке. Теплер повернулся к напарнику: – Вы как, сэр Платон, целы?

– По крайней мере жив, – археолог осторожно сделал пару глубоких вдохов и выдохов. – И ребра, вроде, не сломаны.

– Странно, – хмыкнул миллионер. – Я думал, он насадит вас на свои отростки, как энтомолог бабочку, сэр. Вам обязательно нужно к врачу. И об этом психе, – он кивнул на извивающегося возле стены космонавта, – тоже предупредить надо.

Атлантида поднялся с пола. Под ногами захрустело. Археолог опустил глаза, и увидел, что все усыпано осколками пластика – один из отростков рога угадил-таки в поясного переводчика и раздробил его в мелкий хлам.

– Не везет мне с полилингвистами, – поморщился Рас-сольников. – Больше чем на месяц не хватает.

– Не огорчайтесь, сэр Платон, – небрежно посоветовал миллионер. – Подарю я вам нового переводчика. Вытребую у капитана в плату за грубость его подчиненного. Вы сможете идти сами?

– Смогу, сэр, – археолог подобрал свою трость. – Только поехали на лифте, а то перебирать руками по аварийной лестнице мне сейчас не очень... удобно.

Путешественники вышли в коридор, направились в сторону лифта, но через несколько метров были вынуждены остановиться: впереди двое космонавтов с оглушающим грохотом колотили своими копытами по стенам и ближним дверям.

– Ремонт, говорите, сэр? – торжествующе оглянулся Вайт на Атлантиду.

Олимы синхронно взвыли на потолок, после чего наклонили головы и решительно кинулись друг на друга. Рога яростно столкнулись, едва не разбросав снопа искр. Космонавты разошлись, постучали по стенам, взвыли и снова ринулись друг на друга.

– Вы меня уговорили, сэр Теплер, – кивнул Рассольников, – давайте спускаться по аварийной лестнице.

Земляне попятились, стараясь не привлекать к себе внимание бесноватых членов экипажа, потом развернулись и потрусили в обратную сторону.

– Как вы думаете, сэр Платон, что с ними? – поинтересовался Вайт.

– Может, съели, чего, сэр Теплер? Может, именно поэтому и кормушку закрыли, чтобы остальные не отравились?

– Но почему отравившихся не изолировали?

– А если отравилось большинство?

– Но кто тогда управляет кораблем, сэр?

Оба остановились.

– Черт с ним, с медотсеком, – махнул рукой Рассольни-

ков. – Пошли в рубку, сэр!

Лучше бы они туда не ходили. В рубке, прямо по закрытым щитами пультам, скакало сразу трое олимов, зловеще завывая и нещадно лупя приборы копытами. Еще один космонавт – судя по рогам, леди – скромно поводя плечами и покачивая коротеньким хвостиком, прогуливался перед мониторами.

– У-ау!!! – двое столкнулись рогами над постом капитана. Более низкорослый олим поскользнулся и рухнул вниз.

– У-у-у!!! – победитель развернулся ко второму врагу и торжествующе затопал копытами.

Атлантида вспомнил, какие именно кнопки и тумблера должны находиться под щитом и содрогнулся.

– У-а!!! – второй космонавт не менее яростно заколотил по щиту, прикрывающему панель управления первого пилота.

– Гнать их отсюда надо, сэр... – похоже, мысли миллионера были вполне созвучны Рассольниковским.

– Бодаются сильно, заразы, – напомнил Платон, потирая больную грудь.

Второй космонавт, покрытый короткой пегой шерстью, перепрыгнул на обширную панель капитанского пульта. Первый – темно-коричневый, но с белой мордой, опустил голову. Рога с хрустом столкнулись. Космонавты некоторое время толкались, крутя головами, потом разошлись:

– Уа!!! Ау!!!

– Что б я еще хоть раз полетел куда-то на грузовом корабле! – наконец-то признал свою ошибку Вайт.

Атлантида тактично промолчал, прикидывая, как безопасно сманить обезумевших членов экипажа на пол.

– Ау!!! Уа!!! – олимь опять сошлись рог к рогу и, громко пыхтя, закружились на пульте.

– Ур-р, ур-р, – откликнулась космонавточка.

Беломордый подался на шаг назад, потом еще на шаг, но вдруг как-то хитро извернулся и его пегий противник с визгом улетел рогами прямо в мониторы – благо и они были закрыты прочными щитами.

– У-у-у-у!!! – торжествующе взвыл победитель и принялся расколачивать копытами капитанский пост.

– Пинка бы ему хорошего, и за дверь! – с чувством пожелал миллионер.

– У-а!!! – резко повернул морду на голос космонавт и без промедления кинулся в атаку. Правда, почему-то не на Теплера, а на Рассольникова.

– Не, я больше не хочу, – Атлантида разжал левую руку, роняя трость на пол, поймал направленные ему в грудь верхние кончики рогов и начал падать назад, одновременно выставив вперед полусогнутую правую ногу, и упираясь ею в живот космонавта. Далее все прошло по учебнику: откинувшись на спину, археолог резко выпрямил ногу, и несчастный олимп полетел точнехонько во входной проем, вверх ногами впечатался в стену коридора и тихонько сполз к полу, заме-

рев вниз головой.

– Вот что значит: «ходить на рогах», – удовлетворенно прокомментировал толстяк и захлопнул дверь.

– У-у-ур, – утробно мурлыкнула космонавточка, выбираясь между пультов поближе к Атлантиде.

Дверь начала содрогаться от ударов – похоже, первым полученным уроком беломордый не удовлетворился.

– Ур-ур, – олимпка надвигалась, жеманно покачивая бедрами и поводя плечами, – ур-ур, – она резко развернулась выставила попку. Под вскинутым хвостом соблазнительное белело светлое пятно.

– Чего это она, сэр? – удивился Вайт.

– Да они тут все свихнулись, сэр Теплер, – отмахнулся Платон.

– Ур-ур, – олимпка замахала своим коротким хвостиком, привлекая внимание к светлому пятнышку.

Первый из поверженных космонавтов зашевелился под капитанским креслом, жалобно постанывая. Примерно такой же стон слышался из-под мониторов.

– Ур-р! – уже более требовательно заурчала олимпка и по рубке пополз резкий запах мускуса.

– Ах вот оно что! – наконец-то сообразил Атлантида. – Да у них просто гон начался!

– Какой еще гон, сэр? – не понял миллионер.

– Потом объясню, сэр Теплер, – заторопился Рассольников. – А то сейчас эти двое оклемаются и опять нам корриду

устроят. Открывайте дверь!

– Как знаете, сэр, – пожал плечами Вайт, отступая в сторону.

– У-у!!! – торжествующе взвыл беломордый и ринулся в помещение. Тут толстяк не удержался и дал ему подножку. Космонавт запнулся на самой высокой ноте и во весь рост растянулся на полу. Атлантида тут же воспользовался моментом и наступил ему на рога.

– Давайте, сэр Теплер, выбирайтесь отсюда, и двигайтесь к каюте. Я следом за вами.

– У-у! – послышался от мониторов не очень уверенный вой и легкое постукивание.

– У, – вякнул в ответ извивающийся под ногой археолога олим.

Рассольников отпустил рога, подхватил свою трость и стремительно выскочил из рубки.

– Вы целы, сэр Платон? – толстяк сидел на полу, прижавшись спиной к стенке.

– Спасибо, да, сэр Теплер, – Атлантида с облегчением опустился рядом. Разумеется, он мог пойти и в свою каюту, но в сложившейся обстановке одному в четырех стенах было бы весьма неуютно.

– Вы упоминали про какой-то «гон», сэр, – вежливо напомнил Вайт.

– Как бы это сказать попроще, сэр... Вы когда-нибудь за-

нимались сексом с женщиной?

– Да что вы себе позволяете, сэр Платон?! – моментально возмутился миллионер. – У меня, если хотите знать, уже третья жена! И пять более-менее постоянных любовниц, не считая случайных встреч!

– Вот именно, сэр Теплер, вот именно! – согласно кивнул археолог. – Вы можете заниматься этим приятным хобби круглые сутки весь год напролет. А вы помните, что есть виды, у которых возможность заняться сексом случается всего раз в год и всего лишь на протяжении нескольких дней? За то уж и отрываются они в эти дни на полную катушку! Кидаются на все, что шевелится, ничего не соображают и не понимают, и понимать не хотят, дерутся за самок до одурения, снося все на своем пути. Вот мы с вами в самый центр этакой кутерьмы и попали.

– Вы это серьезно, сэр? – не до конца поверил археологу толстяк.

– Еще как серьезно, сэр. Вы знаете, на Земле есть несколько видов, которые, желая того, чем вы постоянно с секретаршей занимаетесь, настолько свихиваются, что им охотники голыми руками шеи сворачивают, а они ничего не замечают.

– Понятно, сэр, – миллионер почему-то не стал заявлять, что он с секретаршей занимается работой. – Массовый сексуальный психоз. Всем экипажем.

– Примерно так, сэр, – согласился Атлантида.

– Если они все свихнулись, сэр, – деловито предложил

Вайт, – то почему бы нам не сходить в медотсек, и не забрать оттуда хлеб, раз уж всем этим рогачам сейчас не до оболлов?

– А вы уверены, сэр, что медицинской частью заведует не женщина? Там сейчас наверняка такая свалка творится... – археолог погладил свою грудь. – Уж лучше я пару дней на воде пересижу.

В ответ Теплер Вайт жизнерадостно захохотал.

– Что с вами, сэр? – покосился на напарника Платон.

– Так получается, сэр, – сквозь смех напомнил миллионер, – что победив беломордого вы, как честный человек, должны были эту олимку... того, этого. А вы самым бесчестным образом...

– Ничего смешного, сэр!

– Главное, что: и сам не пользуется, и другим не дает! Как вы этого мордатого рогами к полу... Почему только леди вас не забодала, ума не приложу!

Атлантида представил себе ситуацию со стороны и тоже рассмеялся.

По зрелому размышлению, все оказалось не столь уж и плохо. Раз олимпы готовились к своей сексуальной оргии заранее – стало быть о периодах буйного потемнения рассудка имели достаточно внятные представления. А раз имели – наверняка рассчитали время полета так, чтобы успеть перейти в нормальное состояние еще до посадки. В принципе, учитывая количество самок на корабле, а так же то, что олимпы

ничего не едят, дня за четыре «праздник свободной любви» должен закончиться. Вполне успеют космонавточки за три-четыре дня выбрать себе по жениху и получить под хвост несколько часов страсти. За четыре дня от голода еще никто не умирал, а вода под краном имелась. Не кипяченая, но в замкнутых биосистемах космических кораблей инфекции в водопроводе обычно не встречаются. Можно на несколько дней отбросить тысячелетние предрассудки, и пить то, что течет.

Однако, что хорошо в теории, нередко оказывается трудновыполнимым на практике. Где-то после полудня путешественники начали испытывать муки голода, во второй половине дня – сильные муки голода, а ко времени ужина у них появилось ощущение, что они вот-вот начнут падать в обморок.

– А в медотсеке хлеб беспризорный лежит, – первым не выдержал Вайт. – Никому не нужный, позаброшенный... С левой стороны от дверей, в верхних ящиках.

– Кстати, медичка ведь могла и в своей каюте утром находиться, – так же, ни к кому не обращаясь, предположил Атлантида. – Или в другое место куда пойти.

– Так, может, проверим, сэр? – толстяк, не дожидаясь ответа, начал подниматься на ноги.

– Почему бы и нет, сэр? – пожал плечами Рассольников. – Все равно делать нечего.

На этот раз путешественники спустились прямо на глав-

ную палубу и уверенно пошли в противоположную от рубки сторону, с нервозностью прислушиваясь к далеким завываниям и стукам. Внезапно послышался drobный топот – из-за поворота выскочил космонавт, удивительно похожий на Пюпи, затравлено промчался мимо. Следом появился высокий альбинос с ветвистыми рогами. При виде людей он затормозил, замер на несколько секунд, задумчиво осматривая их черными бездонными глазами, а потом вскинул морду к потолку:

– Уау!!! – вой сопровождался ожесточенными ударами передними копытами по стенам.

– Ну вот еще один, – покачал головой миллионер, и стал подкрадываться к космонавту поближе. Как только тот опустил голову, толстяк размахнулся и со всей силы врезал ребром ладони промеж рогов... болезненно взвыл, и запрыгал на одном месте, размахивая отшибленной рукой. Олим же, казалось, не почувствовал и вовсе ничего – альбинос сделал решительный выпад и поддал Вайту рогами под зад. Бизнесмен взвыл еще громче.

– У-у-у!!! – закричал Атлантида и затопал ногами о шершавый пластик.

Олим моментально отвернулся от Теплера и устремился на нового врага. Миллионер не упустил шанса, тут же сцапав его за хвост. Альбинос развернулся, громко клацнув зубами, но тут археолог прыгнул и повис у него на рогах. Космонавт завалился на бок. Толстяк ухватил его за ноги – в объеме-

стых кулаках уместились и задние, и передние копыта.

– Может, костер разведем на пассажирской палубе, сэр? – предложил, тяжело дыша, Вайт. – Освежаем и зажарим. Все равно тут никто ничего не соображает. На четыре дня нам его хватит, и никаких следов не останется.

– Тут нигде дров нет, сэр, – с сожалением констатировал Атлантида, – а вот пожарная автоматика есть. Не получится. К тому же, этот бифштекс вполне может оказаться штурманом или первым пилотом. Может пригодиться. Пусть живет.

Возмущенно воющего самца доволокли до ближайшей двери и зашвырнули внутрь. Потом двинулись дальше, навстречу очередным стукам.

Перед распахнутыми настежь дверьми медицинского отсека в брачном поединке сошлось трое космонавтов. Точнее, двое – один стоял в сторонке и ждал своей очереди.

– Это благородно, – кивнул Рассольников. – Поединки только один на один, никаких ударов в спину. Давайте-ка, сэр Теплер, присядем здесь у стеночки и прикинемся мебелью. Посмотрим, чем дело кончится.

– Вы только посмотрите, какие дикари, сэр Платон, – покачал головой миллионер, следуя совету. – Нет, чтобы войти внутрь всем вместе, да и пропустить тетку по кругу. И ей приятнее, и сами удовлетворение получают без всякого мордобоя.

– Да, – едва не рассмеялся Атлантида, – до групповухи им еще расти и расти.

Олимы опять столкнулись рогами. Один из них, чуть пониже ростом, неожиданно завалился на бок, суча потерявшими опорой ногами, извернулся, вскочил и бросился наутек. Победитель кинулся было за ним, но третий участник ристалища вызывающе завыл на потолок, привлекая внимание к себе. Оба принялись ожесточенно оббивать стены копытами.

– Ставлю два обода, что победит свежий боец, – неожиданно предложил Вайт.

– Лучше своего полилингвиста поставьте, сэр, а то мой погиб, – парировал археолог.

– Принято, сэр! – протянул толстяк свою руку. Атлантида хлопнул по ладони и оба принялись внимательно следить за перипетиями схватки.

Поначалу казалось, что все преимущества действительно на стороне нового претендента – он быстрее набирал разгон, наносил более сильные удары, яростнее накидывался, норовя толчками сверху вниз прижать противника к полу. Недавний победитель потихоньку пятился, но не сдавался. Вот, во время очередного удара он резко повернул голову – разогнавшийся новичок потерял равновесие и пропахал носом стену, оставив длинную кровавую полосу.

– Есть! – вскочил на ноги Рассольников.

– Ничего-ничего, это случайность, – положил ему руку на плечо миллионер.

Космонавты разбежались и сошлись в новой схватке. И опять свежий боец неточно рассчитал удар и раскрасил стену

кровью.

– Это не случайность, сэр, – довольно ухмыльнулся Атлантида, – это тенденция.

– Дави его, мямля! – крикнул космонавту Вайт. – Он же еле дышит!

Не тут-то было! Во время новой стычки усталый, но опытный боец заставил молодого противника снова потерять равновесие – но на этот раз бедолага растянулся прямо у ног противника, прижатый рогами к полу. Несколько судорожных рывков толку не принесли.

– Уау! – торжествуяще пропел победитель, отпуская поверженного врага и приподнял голову. Но едва молодой олимп поднялся на ноги, как победитель начал новую атаку. Осознавший свое ничтожество космонавт кинулся наутек – опытный враг гнал его в сторону рубки.

Земляне пару секунд с изумлением созерцали никем не защищенную дверь, а потом ринулись внутрь.

– Ур-р, – душево-радостным восклицанием встретила их корабельный доктор. Без халата она оказалась серой с прелестным голубоватым отливом вдоль спины – только белые чулочки красовались над изящными копытцами. Она повернулась к гостям попочкой и приглашающе покачала хвостиком над белым пятном.

– Тьфу, мерзость, – поморщился миллионер, поворачивая к левому шкафу, – а ведь, небось, диплом университетский имеет!

– Ур-ур, – непонимающе напонила о себе врачиха и, отчаянно виляя хвостом, стала пятиться на людей.

– Они его заколотили, сэр Платон! – возмущенно взвыл толстяк, дергая стальную панель. – Хлеб здесь должен быть, я точно помню!

– Позвольте мне, сэр, – из тросточки археолога хищно выскочил клинок альпенштока.

По коридору прокатился дробный топот, и в дверях медотсека появился олим-победитель.

– Уа-уау!!! – горделиво пропел он.

– Ур-р, – вопросительно поинтересовалась врачиха, моментально опустив хвост на белое пятно и отвернув попку к стене.

– Вот засранка, скромницу из себя корчит! – не удержался Атлантида.

– Тише, сэр! – одернул его толстяк.

И тут по ушам ударил оглушительный вой сирены. Непрерывный двухтональный рев пробивал, казалось до самого кончика спинного мозга, заполнял всю сущность, не оставляя места для посторонних мыслей, однако космонавты не отреагировали на него даже движением век. Олим, покачиваясь из стороны в сторону и демонстративно не глядя на врачиху, подкрадывался к самочке все ближе и ближе, а та, звучно принюхиваясь, всецело предалась созерцанию потолка.

– Что случилось, сэр Платон? – попытался перекрычать

сирену Теплер Вайт.

– Не знаю, сэр, – археолог спрятал альпеншток. – Тревога какая-то. Может, в метеоритный поток попали, может, неизвестный объект на курсе, может, авария на корабле случилась. Пошли в рубку, там разберемся.

Они бегом промчались по коридору, ворвались на главный пост управления кораблем и замерли. Здесь шла настоящая битва – за внимание одинокой олимпиады сошлись в схватке сразу три пары космонавтов. Они скакали по пультам, топтали кресла, колотили копытами по шкафам и стенам, не обращая внимания на сигнал тревоги. Но самое главное – все приборы управления, все мониторы и контрольные панели были закрыты толстыми, прочными, непробиваемыми щитами.

– Ну? – вопросительно поинтересовался миллионер.

– Что ну, сэр? – огрызнулся Атлантида. – Мы, может, через несколько минут в бродячую планету врежемся, или реакторы вразнос пойдут. А какую панель вскрывать, какой пуль, какой монитор – бес его знает.

– Ну так смываться надо! – взревел толстяк. – Тут спасательные шлюпки есть?

– А с этими что делать, сэр? – кивнул археолог на ведущих бой за продолжение рода космонавтов. – Они же погибнут!

– Вы их что, за хвосты в шлюпку стаскивать собираетесь? – саркастически ухмыльнулся Вайт. – Так они же вам ребра и переломают.

Примерно минуту Атлантида колебался, не решаясь бросить корабль с разумными существами на произвол судьбы, но никаких реальных идей на счет всеобщей эвакуации в голову не приходило. Победил инстинкт самосохранения – Рассольников резко развернулся и побежал в сторону спасательного катера, показывая дорогу.

Клавиша рядом со створками была, естественно, закрыта небольшой панелью, но на этот раз Платон не колебался – тремя ударами альпенштока он пробил в стене под краем панели выемку, подсунул туда край клинка и со всей силы навалился на трость. Крепеж жалобно хрустнул – и синий прямоугольник отлетел на пол. Рассольников с силой вдавил клавишу, пропустил миллионера в разошедшийся проход и с надеждой оглянулся: вдруг еще кто-нибудь отреагировал на сигнал тревоги? Однако сквозь вой сирены удавалось пробиться только хрусту ломаемых друг о друга рогов. Археолог махнул рукой и перешел в катер.

– Разберетесь, сэр? – оглянулся на него Вайт, уже занявший одно из двух пилотских кресел.

– Наверняка, сэр, – бухнулся на свободное место Платон. – Катер экстренной эвакуации обязан иметь интуитивно понятное управление и автоматический привод на ближайшую населенную планету. Никто ведь не знает, кто и при каких обстоятельствах в него сядет. Вот, например, эта большая красная клавиша почти наверняка означает старт...

Атлантида ударил по клавише кулаком. Катер ощутимо

качнуло. По передней панели пробежала белая полоса и следом за ней вспыхнули звезды.

– Ба, да это иллюминатор! – восхитился Платон. – Смотрите, сэр, это не картинка, это самые настоящие звезды!

– Полетели скорее, сэр! – заторопил толстяк. – Вдруг сейчас рванет?

– Доверьтесь автоматике, сэр Теплер, – предупреждающе вскинул руку археолог. – После того, как в течение пары минут с пульта управления не поступит команда, бортпилот перейдет на аварийный режим и возьмет курс к ближайшему работающему маяку. Терпение.

– Он что, не понимает, что просто так с корабля, не бегут, сэр?

– Нет, конечно, – пожал плечами Атлантида. – Катер экстренной эвакуации слишком тяжел, сэр, чтобы таскать его просто так, на всякий случай. Их и в качестве легких орбитальных транспортов используют, и как корабли планетной разведки, в качестве десантных средств, и как боевые машины, если приспичит, и даже как малотоннажные межзвездные корабли. Чай, запас хода как минимум двадцать парсеков. Вы обратили внимание, что вам кресло по размеру подходит? Они на пилотов в скафандрах рассчитаны. А у олимов в шлем рога влезать должны, вот и получаются почти нормального размера. Значит, возможность разгерметизации...

Но что означает возможность разгерметизации, археолог

сказать не успел – катер клюнул носом в сторону и путешественников вдавила в кресла многократная перегрузка.

Глава четвертая

Ершбиг

«Вы выходите из тесного челнока прямо на покрытый густой багряной травой космодром и всей грудью вдыхаете в себя густой пряный аромат леса. Ершбиг, планета с двумя космодромами и сто семнадцатью миллионами поселенцев. Здесь время словно нырнуло в прошлое до самой Викторианской эпохи и застыло в ней навсегда. Вы оказываетесь в давно забытом восемнадцатом-девятнадцатом земном веке. Огромные ранчо, многотысячные стада, длинные платья, деревянные дома, белые пароходы с урановыми или термоядерными котлами, простенькие автомобильчики, не способные подняться выше трех метров над землей, ковбои в широкополых шляпах, стремительные просеки дорог, стеклянные окна. Разумеется, жители Ершбига не собираются отказываться от объемки, тоннельных трансгрессоров и фторирования воды, но в остальном патриархальный уклад жизни их вполне устраивает. Им повезло вернуться в далекий восемнадцатый век, и они намерены оставаться в нем навсегда.

Вы выходите из тесного челнока прямо на покрытый густой багровой травой космодром и всей грудью вдыхаете в себя густой пряный аромат леса, цветов, некошеной травы, вы слышите щебет

птиц, курлыканье ящериц и нежный звон ветряных арф, вы видите нежное, прозрачное ярко-желтое небо с плывущими по нему пухлыми фиолетовыми облаками, вы ощущаете на своем лице теплые синие лучи полуденного Карлика и думаете – а может, они правы?

(«Ершбик», статья из рубрики «Путевые заметки» журнала «Садовод-любитель» № 7 за 1046 год, планета Гей-Квадрус)

– Интересно, почему они взяли именно текилу, сэр Платон? – поинтересовался Вайт, заглотив очередной стакан.

– Потому, что она есть везде, сэр Теплер, – ответил Атлантида и выпил свою порцию.

Первое, что сделали путешественники, когда перегрузка выпустила их из кресел, это нашли неприкосновенный продовольственный запас. Напарников почему-то ничуть не удивило, что в прозрачных пластиковых пакетах лежали только просо и пшеница – или что-то, сильно этот фураж напоминающее. Зато в аптечке, среди прочих лекарств, обнаружилось четыре буханки хлеба, килограмм кускового сахара и пять бутылок текилы производства «Летасс» – название это планеты или фирмы на этикетке не уточнялось. Разумеется, откладывать находку на черный день путешественники не стали.

– Так вот, сэр, – коротко выдохнув, продолжил археолог. – Кактусы издавна считались домашними декоративным растениями. Разумеется, когда началось расселение землян в

ближайшем рукаве галактики, почти на каждом планетоиде нашлось несколько любителей, прихвативших любимые растения с собой. А поскольку кактусы, помимо красоты, отличаются еще и повышенной живучестью, очень скоро вокруг не осталось ни единого теплого «шарика», на котором бы эти колючки не росли. Помните знаменитую историю с кроликами в Австралии? Это у вас, на Земле.

– Конечно знаю, сэр, – вроде бы даже обиделся Вайт. – В Австралии жило так много кроликов, что для борьбы с ними туда завезли собак динго. Но собаки не стали есть кроликов, а стали есть туземцев, и из-за этого континент пришлось заселять каторжниками из Великобритании. Это такой остров, тоже начинается на «А».

– Правильно, сэр, – кивнул Атлантида. Вообще-то, у него имелась совсем другая теория про историю заселения Австралии, но на этот раз он решил не спорить с общепринятой версией. – Так же и с кактусами. Они так размножились, что бороться с ними смысла уже не имеет. Остается только пользоваться тем, что они есть и перерабатывать их в прохладительные напитки. Так давайте выпьем за экологию!

С этими словами археолог наполнил стаканы. Напарники чокнулись и синхронно опрокинули стаканы в горло.

– Пю-пипи-пи, пию-пью, – сообщил невидимый динамик. Атлантида схватился за пояс, наткнулся на пустое место и перевел взгляд на миллионера:

– Помнится, кто-то проиграл мне полилингвиста...

– Пожалуйста, сэр, – не стал спорить Вайт, снял с ремня своего переводчика и протянул его Рассольникову. – Интересно, что сказал катер?

– Не знаю, сэр, – Платон привычно укрепил полилингвиста на поясе. – Но, с учетом обстоятельств, мы наверняка приближаемся к какой-нибудь планете и нам желательно пристегнуть ремни. Настоятельно рекомендую советом воспользоваться. При хорошем реверсе можно запросто вылететь из кресла.

Однако вместо реверса спасательный катер развернулся кормой вперед и опять обрушил на пассажиров четырехкратную перегрузку. Планету они увидели только перед самым входом в атмосферу, когда торможение закончилось, и катер перешел в посадочный режим.

За иллюминатором распахнулось огромное бежевое небо, а далеко внизу бескрайние красные леса перемежались со множеством зеленых озер и широких, полноводных рек. Тут и там величаво двигались ленты иссиня-черных облаков, иногда подсвеченные ярко-желтыми вспышками молний.

– Вам не кажется, сэр, – неуверенно поинтересовался миллионер, – что у лобового иллюминатора сбились настройки цвета?

– Все правильно, сэр Теплер, – усмехнулся археолог, – такие цвета случаются сплошь и рядом вокруг голубых звезд. По приборам, все картинки внизу такие же, как и везде. Но люди почему-то видят их со смещением цветовой гаммы.

Это так и называется, – Атлантида многозначительно посту-
чал себя по виску. – Охряное смещение... Гул слышите?
Входим в атмосферу...

По мере нарастания давления гул становился все сильнее
и сильнее, перед стеклом заплясали языки пламени – горе-
ла накопившаяся в стыках и щелях грязь. Катеру и в процес-
сор не пришлось сбросить скорость, пробив атмосферу по касательной. Он четко держал курс на работающий где-то вни-
зу маяк, и перся к нему напролом. Атлантида предпочел бы
произвести спуск более плавно, но не имел ни малейшего
представления, как отключить бортпилот в этом чуде оли-
мовской техники. Он не видел ни единого знакомого при-
бора, ни одного привычного органа управления, не понимал
данных моргающих и попискивающих датчиков. А катер па-
дал все глубже и глубже в атмосферу, временами начиная
трястись от нагрузки.

– Мы не сгорим, сэр? – поинтересовался побледневший
толстяк.

– Не должны, – утешил его Рассольников. – Сигналов тре-
воги нет, загрузка катера не больше десяти процентов. Ни-
чего с ним не сделается.

Они врезались в тучу – иллюминатор мгновенно покрыл-
ся крупными каплями – вывалились из нее над гладким озе-
ром.

– Вот видите, сэр Теплер, еще и корпус немного остудили.
Кстати, высота у нас уже меньше километра, так что через

пару минут на травке отдохнуть будем.

Озеро умчалось за корму, снизу промелькнуло несколько лесополос, разделяющих обширные поля на отдельные участки. Впереди невооруженным глазом различалось здание местного космопорта, с характерной башенкой управления полетами.

Динамик прокашлялся и заговорил на незнакомом языке, потом повторил тоже самое на другом языке, на третьем, на четвертом...

– Внимание, – неожиданно прозвучала русская речь. – В космопорте отсутствуют системы ближнего привода. Просьба перейти на режим ручного управления и посадить ваше транспортное средство как можно ближе к черному кресту.

Дальше опять пошла всякая тарабарщина.

– Крест вижу! – указал Вайт куда-то вперед и влево. – Поворачивайте туда, сэр.

Атлантида занес руки над пультом и замер в раздумье. Привычный ему летный штурвал отсутствовал, модный несколько лет назад джойстик – тоже. Вместо них имелось два крупных отверстия в концах подлокотников и широкая панель, усыпанная малопонятными кнопками и клавишами.

– Поворачивайте же, сэр Платон! – поторопил его толстяк. – Сейчас мимо проскочим!

– Как? Нужно отключить бортпилота, сэр, найти ручное управление. А где оно тут?!

– Профессор Каннелони говорил, что вы умеете водить

каботажные корабли, сэр! Я вас только ради этого с собой и брал! – испуганно завизжал миллионер. – Мы уже и так мимо креста проскочили! Берите управление на себя, или уметайтесь отсюда к чертовой матери! Мы падаем!

Катер и правда целеустремленно шел точнехонько на белый шар почти сорокаметрового диаметра – видимо, это и был маяк дальнего привода.

– Сейчас врежемся!!!

– Пропадай моя текила! – археолог наугад пробежался руками по кнопкам и клавишам, стремясь определить нужную.

Та-да-да-да-да!!! – мелко затрясся катер. По поверхности шара побежала цепочка разрывов. Спустя секунду он не выдержал и сложился внутрь, подняв огромное облако пыли. Катер пробил облако и помчался дальше. Фонтанчики смертоносных укусов бортового оружия побежали по ровному ряду крылатых атмосферных скутеров, от которых во все стороны разбегались маленькие человеческие фигурки. Правда, от точных попаданий разваливался только каждый третий самолетик – остальные просто загорались.

– Перестаньте немедленно, сэр! – неожиданным басом закричал Вайт. – Вы по ним стреляете!

– Как?! – Атлантида лихорадочно перебирал клавиши. – Хрен его знает, где тут управление!

– Так найдите, сэр! Вы дилетант!

– На земном корабле лететь нудно было, сэр! Жмот!

Катер начал описывать широкую пологую дугу и стрельба

прекратилась.

– Ну, сэр? – поторопил археолога миллионер.

– Нужно найти переключатель на ручное управление, сэр, – Атлантида вновь начал щелкать тумблерами.

Та-да-да-да-да! – очередь ушла в ограничивающую летное поле лесополосу и срубила там несколько деревьев с толстыми стволами и пышными алыми кронами.

– Опять, сэр?!

– Ерунда, сэр Теплер, – с облегчением вздохнул археолог. – Я нашел управление стрельбой. Вот смотрите, включил, выключил, включил, выключил...

Та-да-да-да-да! – очередь выбила еще одну просеку в лесополосе.

Та-да-да-да-да! – катер качнулся, и вторая очередь ударила в низкий холмик, почему-то снабженный дверьми. Холмик моментально откликнулся красочным темно-бурым взрывом.

– Ой, е-е... – ошарашено пробормотал Рассольников.

– Полиция едет, сэр! – указал толстяк на мчащийся прямо по курсу на высоте пары метров грязно-синий глиссер с красно-зелеными мигалками. – Немедленно прекращайте хулиганить, и сажайте катер!

– Его нужно переключить на ручной режим, сэр! Попробуйте, возможно переключатель на вашей панели!

– Может, этот? – после секундного колебания Вайт протянул ладонь к сдвоенному переключателю, прикрытому яр-

ко-красной пластиной и перекинул его в верхнее положение.

Ф-фау! – вырвались из катера и понеслись к полицейскому глиссеру два ослепительных шара. Глиссер заложил резкий вираж, зацепил бортом землю и закувыркался по полю, разбрасывая в стороны дверцы и мигалки, а оба шара проскочили над ним и врезались в борт сверкающего хромированной отделкой пузатого орбитального челнока. Иллюминаторы челнока тут же вылетели наружу, а следом за ними расползся и сам корпус.

– Идиот, сэр! Что вы сделали?! Выключите немедленно! Вайт дрожащей рукой перекинул тумблер обратно...

Ф-фау! – два ослепительных шара вырвались на волю и помчались искать себе цель. Атлантида с облегчением перевел дух, увидев, что они улетают в чистое поле между лесополосой и зданием космопорта с характерной башней управления полетов.

– Обошлось...

Из-за здания космопорта выскочило сразу четыре полицейских скутера, увидели шары и заметались из стороны в сторону. Двое врезались в кроны деревьев, и надежно засели в них, а между двумя другими разорвался один из шаров, раскидав машины в стороны. Полицейские с управлением не справились, и их глиссера закувыркались по нежно-бежевой траве. Последний шар благополучно домчался до леса в конце поля, красочно взорвался, раскидав множество искр, и там немедленно начал заниматься пожар.

– Тут уж мы не при чем, сэр, – повернулся толстяк к Рассольникову, и катер качнулся с крыла на крыло.

– Замрите, сэр! – Атлантида качнул телом из стороны в сторону, и катер послушно лег то на левое, то на правое крыло. – Вот оно, убей меня кошка задом! Интуитивно понятное управление, что б его изобретателю рога поотшибало! Катер управляется смещением тела! Смотрите!

Археолог наклонился резко влево, и катер тут же заложил глубокий вираж.

Фиу-у! Фиу-у!

Атлантида невольно пригнул голову, и катер послушно просел вниз.

– Что с вами, сэр Платон? – удивился миллионер.

– Вы что не слышите?! – Рассольников бросил свое тело вправо, заставив катер метнуться в сторону. – Это же бластеры бьют! Мощные, стационарные... Да вон они, на крыше башни управления!

Изящная пирамидка, украшавшая башню, на самом деле оказалась обычной зенитной системой, кое-как прикрытой декоративными панелями.

Фиу-у! Фиу-у!

Рассольников испуганно откинулся на спинку кресла, поставив катер на дыбы – гиговатные импульсы угодили в дощатый сарайчик, разметав его в щепки.

– Что они делают, ненормальные?! Они же нас собьют!

– Именно этого они и добиваются, сэр Теплер, – архео-

лог увернулся от очередного импульса. Нет, управление катером было все-таки сделано безукоризненно. Мало на каком летательном аппарате полный дилетант мог бы остаться живым после почти двухминутного обстрела автоматической зенитной системой со спаренными когерентными оптическими трубками.

– Секунду, сэр, – толстяк сильной рукой прижал Рассольникова к креслу, потом качнулся влево, описывая стремительный вираж, выпрямился, стабилизируя полет, откинулся на спинку, задирая нос катера, а потом быстрым движением стукнул по сдвоенной клавише снизу вверх и тут же – сверху вниз.

Ф-фау, ф-фау, – через секунду четыре шара вошли точно-хонько в башню и превратили ее верхнюю половину в груды битого кирпича, мирно посыпавшегося вниз.

– Вот и все, сэр, – миллионер отпустил Рассольникова.

На высоте примерно двухсот метров они описали над космодромом широкий круг. Несколько черных воронок на местах ангаров и хранилищ, серый пыльный круг вместо антенны дальнего привода, ровная полоска догорающих скутеров, несколько изломанных полицейских глиссеров, кривой уступ вместо башни управления полетов, раскиданные по всему полу ошметки орбитального челнока...

– Что будем делать, сэр Платон? – задумчиво поинтересовался Вайт.

– Вы видите, сэр Теплер, во-он там, у леска, еще один уце-

левший ангар?

– Да, сэр.

– Сейчас подорвем его, сэр, и смываемся отсюда. Мне кажется, на эту планету нам лучше не садиться.

– У меня почему-то создалось точно такое же ощущение, сэр, – согласился Вайт, разворачивая катер на цель.

Внезапно кресла содрогнулись – стрелки индикаторов дружно шарахнулись к границам своих табло, тревожно заморгали лампочки.

– Что случилось, сэр? – толстяк едва не вываливался из кресла, стараясь развернуть их маленький космический корабль. – Он не слушается управления.

Катер еще раз вздрогнул, и часть лампочек погасла во все, отчего Атлантида почувствовал себя еще более неудобно, нежели от того, что многие стрелки уползли в красные части своих секторов. Еще одно вздрагивание:

– Кажется, нас все-таки сбили, сэр Теплер.

Белая стена ангара накатилась на лобовой иллюминатор, после чего последовал резкий рывок ремней и полыхнуло пламя.

– Мы разобьемся? – Вайт облизнул враз пересохшие губы.

– Уже нет, – Атлантида растянул ремни. – Поздравляю вас, сэр, мы совершили посадку. Надо переждать, пока снаружи погаснет огонь, и можно выходить. Авось, удастся оправдаться. Аварийный катер, непонятное управление, куча неисправностей и всякое такое. Хороший адвокат и готов-

ность компенсировать убытки – глядишь, выкрутимся.

– А мы не сгорим, сэр?

– Ну что вы, сэр Теплер. Катер выдерживает вход в плотные слои атмосферы на космической скорости, ему обычное пламя – что для вас чашечка кофе. Так что, собирайтесь, и будем выходить. Главное – излучайте как можно больше миролюбия. Только не улыбайтесь – могут неправильно понять.

Пламя полыхало за иллюминатором еще минут пятнадцать, после чего резко опало, видимо сожрав все, что только было в ангаре горючего. Пожарников туземцы либо вовсе не стали вызывать, либо установки попали под шальной выстрел и более не существовали в принципе.

– Думаю, пора, сэр, – поднялся со своего люка Атлантида и пошел к посадочному люку. – По углям мы как-нибудь пробежим, не зажаримся. И запомните: никаких угрожающих жестов!

Археолог хлопнул по клавише рядом со створками и первым кинулся в открывшийся проход.

Катер пробил тонкую стену ангара почти над самой землей, так что Рассольникову не составило труда перепрыгнуть невысокий выступ, отделяющий тлеющее содержимое здания от бледно-розовой травы и выпрыгнуть наружу. Метрах в двадцати стояла цепь из полусотни полицейских, нацеливших свои ружья, казалось, прямо ему в лоб.

– Все в порядке, джентльмены, – громко крикнул археолог, высоко поднимая руки над головой. – У меня нет ору-

жия! Я мирный гражданин, не испытывающий к вам никакой вражды! Мне нужна помощь!

В ответ грянул дружный залп.

Глава пятая

Клетка

«— Завтра утром начнем выпускать животных, — сказал я. Я тянул с освобождением животных до последнего момента, то теперь не оставалось никаких оправданий для проволоочки.

Первой я решил выпустить тигровую выпь. Ее крыло полностью зажило, и в сочетании с отвратительным характером птицы это избавляло меня от угрызений совести и сомнений в том, сумеет ли она сама позаботиться о себе. Я вытащил выпь из клетки, не обращая внимания на ее громкие протесты, отнес к краю небольшого болота, граничившего с нашим лагерем, и посадил на дерево. Выпь сидела на ветке, пьяно покачиваясь взад-вперед и издавая громкие удивленные крики. Следующим на очереди был Дракула, гололицый ибис. Пока я нес его к болоту, он возбужденно щебетал, но как только я посадил его в высокую траву и пошел прочь, он встревоженно пискнул и бросился за мной. Я снова взял ибиса на руки, отнес его на болото и побегал домой, преследуемый истерическими воплями перепуганной птицы.

После этого я занялся попугаями, которых мне с большим трудом удалось выгнать из клеток. Оказавшись на воле, они расселись на ветках ближайшего дерева и периодически оглашали воздух оглушительными криками. Как раз в этот

момент я услышал пронзительное торжествующее чириканье и, обернувшись, увидел, что Дракула возвращается в лагерь. Я схватил его и снова отнес на болото, но тут же обнаружил, что тигровая выпь с решительным видом быстро приближается к лагерю, тяжело перелетая с ветки на ветку. Отогнав обеих птиц к болоту, я начал выгонять из клеток чернолицого ибиса и кариам. Разгоряченный, взволнованный и немало возмущенный тем, что птицы не поддерживают меня в моей трудной деятельности, я вдруг заметил, что попугаи, воспользовавшись случаем, спустились с деревьев и теперь сидят рядом на крышах своих клеток, глядя на меня печальными глазами и дожидаясь, когда я открою дверцы и пуцую их дамой.

Тем временем Дракула настойчиво пытался проникнуть в свою клетку через проволочную сетку, сквозь которую не удалось бы проскочить и колибри.

— Я бы очень хотел, — злорадно сказал я, — чтобы здесь присутствовал сейчас один из этих слонтяев.

— Каких слонтяев?

— Один из этих сентиментальных всезнаек, которые вечно твердят мне, что жестоко запирают бедных диких животных в маленьких деревянных клетках. Хотел бы я показать им, как наши лохматые и пернатые братья при первой же возможности торопятся обрести свободу.

(Джесеральд Даррелл, «Под пологом пьяного леса». Издание «Лучшие книги двадцатого века». Земля, Лунный Прииск, 1003 год по галактическому

Впервые в жизни Атлантида смог на своей собственной шкуре испытать, что такое истинный гуманизм. Разумеется, полицейские и в мыслях не держали убить его, разумное существо, полноценного гражданина галактики, обладающего всеми правами и свободами от рождения присущими любому человеку. Его просто парализовали самыми обычными разрядниками, чтобы безопасно доставить в участок для дальнейшего расследования.

После попадания первого же парализующего заряда, все тело археолога свела судорога, все мышцы рефлексивно сократились, чуть ли не ломая кости и находясь сами на грани разрыва. А поскольку стреляло не менее пятидесяти полицейских, да к тому же по десятку раз, то попаданий оказалось не менее двадцати, и уже спустя несколько секунд мышцы окостенели до такой степени, что профессор Рассольников ничем не отличался от своей деревянной скульптуры в натуральную величину, вырезанной студентами Гей-Квадры накануне дня святого Валентина.

Затем полицейские осторожно приблизились, немного постучали ботинками по телу и лицу – видимо, проверяя эффективность парализующих зарядов, а затем прихватили Платона за насмерть зажатую в кулаке трость, отволокли к парящему в полуметре над травой грузовику и закинули в кузов. Через минуту рядом швырнули известного коллекци-

онера, мецената и миллионера Теплера Вайта. Толстяк замер в позе полуприседа, с выпученными глазами и широко открытым ртом. Его, по всей видимости, волокли за ноги, поскольку в рот набилось изрядное количество земли. После недолгой поездки их обоих свалили в полутемный подвал двухэтажного деревянного здания и заперли там.

Только здесь, таращась открытыми глазами в затянутый паутиной потолок, Атлантида в полной мере оценил предсмотринительность матушки-природы, исключившей сердце из числа всех прочих, так называемых «скелетных» мышц. Не смотря на то, что все до единого двигательные органы лишились способности даже шелохнуться, сердце билось ровно и уверенно, позволяя археологу пребывать в полном сознании и ясной памяти. В ожидании решения своей судьбы, Платон думал о том, что широко известный на множестве планет яд кураре, точно так же, как и полицейские разрядники, вызывающий паралич скелетных мышц и последующую смерть жертвы от удушья, исследован далеко не так полно, как обычно считается. Ведь он жив! Не задохнулся! Значит, в яде кураре помимо парализующей составляющей находятся еще какие-то ингредиенты. Пожалуй, этой темой стоит заняться... Если, конечно, из всей этой неприятности удастся выкрутиться.

На четвертый день в подвале ненадолго включили свет. К пленникам спустился пожилой плешивый человек в засаленном костюме и вежливо представился:

– Трауб Майл, адвокат. Решением городского суда я назначен вести ваше дело. У вас нет каких либо возражений? – стряпчий сделал минутную паузу. – Вот и хорошо. Я зайду к вам через пару дней обсудить подробности предстоящего процесса.

Засим Трауб Майл удалился на двое суток. К моменту его следующего визита парализующий эффект разрядников уже начал ослабевать. Археолог мог более-менее ощутимо дышать и немного шевелить языком и губами. Вайт тоже начал приходить в себя – судя по стонам, доносящимся из его угла. Впрочем, руки и ноги все еще не желали подчиняться своим владельцам, и до полного выздоровления было еще далеко.

Вспыхнули осветительные панели под потолком, хлопнула входная дверь:

– Добрый день, сограждане, это опять я, – узнал Рассольников голос адвоката. – Должен вам сообщить, что решением коллегии судебный процесс над вами назначен на седьмой полужун, то есть через шесть дней. Вам будет предъявлено обвинение в военном нападении на космопорт Дубль в пользу ордена Защиты Животных. Это грозит вам семью годами тюрьмы и двенадцатью годами добровольного труда на полярных плантациях, что будет очень неплохо, потому как если обвинение переквалифицируют в терроризм по тем же мотивам, тюрьмы может оказаться одиннадцать лет, а добровольный труд – пожизненным. Вы меня понимаете?

– Воды, – простонал в ответ Вайт.

– Поймите меня правильно, – смутился стряпчий, – ради налаживания контактов с подопечными я мог бы принести вам лимонад, но... Э-э-э... Вы сами подумайте. Пить вы уже можете, а вот... Э-э-э... Сливать излишки... Э-э-э... Вам будет трудновато. Учитывая некоторый опыт... Э-э-э... Я бы советовал вам немного подождать. Дня два.

– Погибшие были? – выдавил из себя Атлантида.

– Нет, – покачал головой адвокат. – Несколько слегка помятых горожан и некоторые материальные потери, сумма которых еще уточняется.

– Слава Богу, – с облегчением перевел дух археолог.

Современная медицина пока еще не умела воскрешать мертвых, зато с живыми могла сотворить практически все, что угодно. Раз погибших не оказалось, то все остальное можно измерить в оболах и откупиться от серьезного наказания. Главное – компенсировать вред и оплатить счета по приведению раненых в исходное состояние.

– Согласен целиком и полностью, – кивнул Трауб Майл. – Поскольку погибших не было, обвинение не станет проявлять особой агрессивности. Вы можете отделаться наказанием за военное преступление. По ним приговоры всегда намного мягче.

– Мы не военные, – простонал миллионер. – Мы мирные путешественники... Жертвы кораблекрушения...

– Вот про это говорить не надо! – моментально встрепенулся стряпчий. – Военнопленных по гуманитарной кон-

венции государство обязано кормить, поить и оказывать санитарные услуги. Просто преступников обществу содержать смысла не имеет. Попытайтесь примкнуть ко второй категории, окажетесь на голодном пайке. Вы мне поверьте, у меня шестьдесят лет опыта, плохого не посоветую. Просто доверьтесь мне, и я добьюсь для вас предельно мягкого приговора. Слово адвоката!

– У меня есть деньги, – прошептал миллионер. – Много денег. Я компенсирую весь ущерб. Можете рассчитывать на неограниченный кредит.

– Приятно слышать, – расплылся Трауб Майл в наисладчайшей улыбке, – всенепременно воспользуюсь.

Щедрость толстяка отразилась на пленниках самым благоприятным образом. Уже на следующий день хмурые охранники начали отпаивать их горячими бульонами, прислонять на день к стене, укладывая на пол только в темное время суток, носить на унитаз и обтирать лицо влажной губкой. Когда конечности обрели некоторую подвижность, с пленников сняли одежду и постирали ее – причем вернули не просто отглаженной, но и со всеми золотыми пуговицами и сандаловыми украшениями. Утром перед судом им даже позволили посетить душ, выдав с собой по капсуле теплового мыла. Теперь путешественники выглядели не выцветшими эгинетами, снятыми с обветшало́го храма⁸

⁸ Эгинеты – греческие мраморные скульптуры фронтонов храма Афины Афайи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.